

Кондратий Жмуриков

Принц и Нищин

Комедийный боевик

Кондратий Жмуриков

Принц и Нищин

«Научная книга»

Жмуриков К.

Принц и Нищин / К. Жмуриков — «Научная книга»,
— (Комедийный боевик)

...В один осенний день, когда деревья уже одевались в предусмотренный линией партии желто-зеленый форменный наряд, в большом советском городе в бедной семье родился мальчик, который был ей совсем не нужен. Хотя бы потому, что зарплата главы семьи, сантехника низшей категории Григория Нищина, всеми соседями и участковым милиционером Савиным именуемого не иначе как «Гриха-выпивоха», не могла прокормить пять голодных ртов и явно не была готова к секвестированию в пользу шестого рта...

Содержание

ПРОЛОГ: РОЖДЕНИЕ ПРИНЦА И РОЖДЕНИЕ НИЩИНА	5
ЧАСТЬ ПЕРВАЯ. «РОКИРОВКА»	8
ГЛАВА ПЕРВАЯ. ПОЛЕТ С МОСТА, ИЛИ ЖАРКОЕ ЛЕТО 2001 ГОДА	8
ГЛАВА ВТОРАЯ. ЗАНИМАТЕЛЬНЫЙ ВЕЧЕР ИМЕНИ ЖЕНИ КОРНЕЕВА	16
ГЛАВА ТРЕТЬЯ. В ОЖИДАНИИ «РОЙЯЛ ФЛЭША»	23
ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ. ЗАПЛАТИТЬ ПО СЧЕТУ	31
ГЛАВА ПЯТАЯ. АРТИСТИЧЕСКИЕ СПОСОБНОСТИ СЕРЕЖИ ВОРОНЦОВА – НИЩИНА	37
ГЛАВА ШЕСТАЯ. ДЯДЯ ПРИНЦА И ПАПАША НИЩИНА	43
Конец ознакомительного фрагмента.	48

Кондратий Жмуриков

Принц и Нищин

ПРОЛОГ: РОЖДЕНИЕ ПРИНЦА И РОЖДЕНИЕ НИЩИНА

Это было в самый разгар эпохи, в исторических документах, да и в быту тоже, именуемой застоем; если, конечно, слово «разгар» вообще приемлемо для времени, когда даже пламя свечей колебалось согласно изречению «экономика должна быть экономной», то есть по усеченному тарифу. Да и со свечами – в особенности относящимися к области проктологии – был большой дефицит.

В один осенний день, когда деревья уже одевались в предусмотренный линией партии желто-зеленый форменный наряд, в большом советском городе в бедной семье родился мальчик, который был ей совсем не нужен. Хотя бы потому, что зарплата главы семьи, сантехника низшей категории Григория Нищина, всеми соседями и участковым милиционером Савиным именуемого не иначе как «Гриха-выпивоха», не могла прокормить пять голодных ртов и явно не была готова к секвестированию в пользу шестого рта. Подруга жизни гражданина Гришки, Нищина Дарья Петровна, разродилась своим шестым отпрыском прямо по месту трудовой деятельности, благо она занимала завидный пост уборщицы в роддоме.

Дарья Петровна, плодившаяся, как крольчиха, благо слово «контрацепция» не могла даже выговорить, не то что применить на практике, немедленно вознамерилась отдать своего очередного отпрыска в детдом. И ведь отдала бы, если бы не вмешался ее почтенный батюшка, лысый придурковатый старик неопределенного возраста, носивший звучную фамилию Воронцов и, в связи с этим примечательным обстоятельством, в период запоев или изнуряющей летней жары утверждавший, что он потомок графского рода. Дедушка, конечно, был не граф, а всего-навсего отставной майор танковых войск, контуженный под Прагой и с тех пор немного неадекватный в своем мироощущении. Но это именно ему, почтенному «графу» Воронцову, новорожденный Сережа Нищин был обязан тем, что его не отдали в казенный спецприемник, где стабильно возвращали кадры для исправительно-трудовых колоний.

Старик Воронцов взял внука на воспитание и даже уменьшил дозы спиртного, принимаемые в пределах его огромной пустой квартиры. Нет, дедушка Воронцов не стал меньше пить, просто он выгнал свою сожительницу-алкоголичку, похожую на жабу толстую бабенцию с землистого цвета бородавчатым лицом и рубенсовским бюстом до пупка.

...В тот же самый день, когда родился Сережа Нищин, впрочем, в свидетельстве о рождении записанный под куда более благородной фамилией Воронцов, в том же большом городе родился еще один мальчик, появления на свет которого ждала вся его большая и влиятельная семья. Папой мальчика был молодой директор крупного завода, женатый на младшей сестре второго секретаря местного горкома КПСС. С самого рождения мальчика Андрюшу окружили заботой и роскошью, а его дедушка, народный артист СССР, известный театральный деятель, заказал своим друзьям из руководства Союза композиторов песню, посвященную рождению долгожданного внука.

Прошло много лет. Точнее шестнадцать с небольшим. Давно исчез и СССР, и партия ума чести и совести эпохи, да и самая эпоха канула в прошлое. Но ничего не изменилось для мальчиков, родившихся в один и тот же осенний день: Сережа по-прежнему жил у дедушки в голой прогорклой квартире, Андрюша по-прежнему глодал скуку, как арбузную корку, в шикарных

апартаментах то своего отца, из директора завода превратившегося в руководителя громадной компании, то дяди, бывшего секретаря горкома, прыгнувшего и того выше: он стал олигархом, то бишь одним из тех толстосумов, к рукам которых, как нити к пальцам кукловодов в детском театре, стекаются судьбы всей России.

Как ни странно, они окончили школу в один день. Сережа закончил одиннадцатый класс обыкновенной школы, да и то родственнички были против того, чтобы парень становился таким ученым. Они хотели, чтобы он в крайнем случае наскоро добил девятилетку и шел работать, а не валял дурака, изучая Толстого, интегралы, законы Менделя, всяческие Альфы Центавра, Do you speak English и тому подобных Гоголей. Сережа закончил школу и параллельно прозанимался плаванием семь лет только благодаря тому, что не слушал ругань время от времени заявляющегося к деду папаши-Гриши и начисто игнорировал гнусавые прогнозы мамыши насчет того, что «чать, не хочет работать, так значаца – в тюрьгу попадет».

Андрюша завершил обучение в элитном московском колледже, в котором он учился опять же вопреки воле отца. Но не потому, что тот, подобно родителю Сережи Нищина, настаивал на открытии трудовой биографии сына, вовсе нет! – просто отец Андрея некоторое время хотел отдать того в элитное частное учебное заведение в Англии. После неспешной беседы на семейном совете было вынесено решение: дедушка, народный артист СССР, «поступит» Андрея во ВГИК, благо у мальчика всегда пробивалась творческая жилка.

Так и поступили. Состоялся семейный совет и у Нищиных с дедушкой Воронцовым. Глава семьи, то есть унитазных дел мастер Гришка, к счастью для сына, не вымолвил на этом совете ни одного слова, благо был вусмерть пьян и сподобился только на клокочущее бормотание, которое издает престарелый унитазный бачок, смонтированный еще в честь взятия Берлина. Говорила преимущественно мать, предлагавшая отдать сына по торговой части; выразилось это следующим замечательным образом:

– Ну чаво ж ему, лихоманка тя забери... вона, у Машки Полудрищенки, ейный Ванька как пошел в фирму, так и, статья, таперь крутой. Ванька-то, от, может, на нашей Аньке женицы. Ты, папаша, с ним не манежься, – повернулась она к дедушке Воронцову, который пятьдесят лет назад имел несчастье произвести на свет такую дочь, – поглянь-ко, здоровый лоб какой вымахал! Пусть идет работаит-от!

– Я в университет хочу, – угрюмо сказал Сережа, – я готовился.

Папаша Гришка булькнул и завалился на спину на подлокотник дивана, пуская пузыри. Дарья Петровна глянула на своего благоверного, в сердцах плюнула на ковер и скверно выругалась; а дедушка Воронцов сказал, обращаясь определенно к дочери:

– У меня пенсия майорская. Проживем. Пусть мальчишка учится, если хочет. Он еще и спортом занимается. Не то что вы – алкаши. А торгашей этих я насмотрелся. Нечего ему там делать. Он все с Аликом Мыскиным общается, а Алик Мыскин парень хороший, не то что та тлешь, которая к твоим шалавам-дочкам таскается, Дашка. Отморозь приبلудная.

Дарья Петровна разразилась взрывом матерных ругательств, адресованных преимущественно дедушке Воронцову, в коих прямо указывалось на то, что дедушка выжил из ума, что его посещают сенильные, то есть старческие, психозы, и что не за горами болезнь Альцгеймера, при которой майор в отставке явно долго не заживется в здравом уме и твердой памяти. Дед и внук поспешили ретироваться.

...В один и тот же жаркий летний день 1997 года Сережа Воронцов и Андрей Вишнеvский были зачислены: Сергей – на только что открывшийся при местном университете журфак, то есть факультет журналистики; Вишнеvский – на первый курс отделения режиссуры ВГИКа. Станным образом так совпало, что оба этих шестнадцатилетних мальчика, родившихся в таких разных семьях и так по-разному вступивших в мир, были разительно похожи друг на друга и имели сходные наклонности, и лишь возможности для реализации этой творческих наклонностей были сильно различны.

Впрочем, судьба, параллельно ткавшая нити этих двух судеб, позаботилась еще об одном совпадении. Проучившись в университете чуть менее двух лет, Сережа Воронцов был исключен за какой-то нелепый скандал вместе со своим лучшим другом и однокурсником Аликом Мыскиным.

В то же самое время Андрей Вишневецкий бросил учебу и подался в шоу-бизнес.

Деньги папы-магната и дяди-олигарха стали решающим фактором того, что уже через пару месяцев Андрей Вишневецкий, принявший звучный псевдоним Аскольд, попал во все престижные хит-парады и затерзал своими композициями все FM-станции и музыкальные телеканалы. У Аскольда в самом деле были неоспоримые вокальные данные и завидная артистичность.

В то же самое время несколько не менее артистичный Сережа Воронцов проходил медкомиссию в областном военкомате. Исключение из университета стало для него роковым: его призвали в ряды обожаемых вооруженных сил. Сергей синел свежесбрившей макушкой, старательно открывал рот и называл буквы в кабинете окулиста. Соотнесшись с тем обстоятельством, что у симпатичного плечистого мальчика Сережи, попавшего в сети военкомата, было звание кандидата в мастера спорта по плаванию, его традиционно зачислили в десант.

В мае 1999 года он отправился на прохождение действительной военной службы в Приволжский военный округ. Прослужив год и три месяца, Сергей Воронцов был признан вполне годным для опасной миссии: нейтрализации бандитских отрядов ваххабитов под водительством Басаева и Хаттаба, вторгшихся в Дагестан в августе двухтысячного года.

В сентябре он уже воевал. С ним был и Мыскин.

В то же самое время избалованный деньгами и известностью Аскольд купил себе в смехотворном учреждении – Дворянском собрании России – титул князя. Поступок эксцентричного мегастара был принят вполне адекватно: эстрада давно уже подалась во дворянство, как некий мещанин у Мольера, и сияла баронскими коронами и графскими вензелями. А позвольте спросить, чем плохо звучит: князь Вишневецкий? Особенно если произносить на старомосковский манер, величаво и чуть нараспев, вот так, князь Вишневецко-ой. Впрочем, Андрей предпочел перевести свой свежеспеченный титул на французский язык и называться prince. Принц.

Аристократическо-лингвистические изыски Аскольда велись параллельно боевым действиям федеральных сил в Чечне, в которых участвовал и Сергей Нищин-Воронцов...

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ. «РОКИРОВОЧКА»

ГЛАВА ПЕРВАЯ. ПОЛЕТ С МОСТА, ИЛИ ЖАРКОЕ ЛЕТО 2001 ГОДА

* * *

Сережа сидел на лавочке и пил пиво. Надо сказать, у него были все основания вот так сидеть на лавочке и сонно, мутно, неспеша, по глоточку отправлять в себя приятно холодную янтарную жидкость. К тому располагал и Сережин статус ничегонеделания, и погода, спеленавшая неподвижный воздух дымным маревом такой кошмарной жары, что, казалось бы, даже солнце расслабленно повисло в безупречно синем небе, забыв о том, что ему следует старательно пролагать дорогу на запад, к закату. Из палисадника выглянул тощий кот и тут же свалился в пыль так, словно в него угодили кирпичом: коту явно было жарко. Сергей смахнул со лба пот. Пиво беспощадно заканчивалось, а продолжения пивного банкета не предвиделось из финансовых соображений: у Сережи кончились деньги. Он допил пиво и с остервенением швырнул бутылку в палисадник, откуда незамедлительно послышалась возня и хриплый клекот, исторгнутый чьей-то беззубой пастью:

– Куда тащишь, штараая шука? Бутылек я уже жду... а ну, пшла отседова!

Сережа тяжело вздохнул. Ничего не поделаешь: конкуренция, она и в палисаднике конкуренция. В этот сомнительный момент его личной биографии из плывущего жаркого марева соткался и приблизился к Воронцову высокий тощий парень с всклокоченными и явно крашеными светлыми волосами. В руках он держал сумку, в которой что-то зажигательно позвякивало.

– Залипаешь, Нищин? – спросил длинный, энергично тыкаясь тощим задом в скамейку, на которой сидел Сережа. – А что такой мутный?

– Жарко, Алик, – сказал Сергей, не глядя на Мыскина.

– У тебя пиво, что ли?

– Ну, не кока-кола же! – даже обиделся тот. – Вот, держи, Серега.

– Спасибо, Иваныч.

Алик Иваныч Мыскин открыл пиво зубами и, наскоро залив в глотку половину содержимого бутылки, хитро посмотрел на Сережу левым глазом. Особую таинственность и без того плутоватой физии Мыскина придавало врожденное расходящееся косоглазие.

– Скучно? – спросил он.

Вопрос был поставлен ребром и требовал от Воронцова немедленного ответа. Ответ было несложно угадать:

– Скучно.

– Есть одно дело, – хитро сказал Алик. – В общем, я машину купил.

Опасно скользкое пиво, явно недавно извлеченное из холодильника и в связи с этим запотевшее от холода, выпрыгнуло из руки Сережи и ткнулось доньшком в асфальт. Посыпался вялый стеклянный звон, и во все стороны прыгнули пенные струйки. Из палисадника за спиной Воронцова шепеляво посетовали на неаккуратность обращения с ценной стеклянной тарой, но Сергей не слышал этого. Он уставился на Мыскина, широко раскрыв светло-серые, с желтинкой у самых зрачков, глаза и проговорил:

– Ты? Машину? Купил?

Воронцову было отчего удивляться. С момента демобилизации из армии в марте этого города прошло больше двух месяцев, а ни Сережа, ни Алик до сих пор не могли себе внятно представить, чем же, собственно, им заниматься на «гражданке». Соответственно они ничего и не делали, а их карманные расходы, уходящие преимущественно на спиртное, слагались из огарков пенсии старого дедушки Воронцова да из денег, выключенных у родителей Мыскина, людей довольно состоятельных и в последние полтора года сумевших раскрутить свой небольшой, но дававший отдачу бизнес. Впрочем, безделья своего сына Александра, вернувшегося из армии, они не одобряли и явно не могли презентовать ему автомобиль.

Отсюда и удивление Сережи.

– Откуда бабло-то взял? – после некоторой паузы снова спросил Воронцов.

Алик Мыскин не спешил отвечать. Он открыл еще одну бутылку и протянул Сереже взамен разбитой, явно наслаждаясь замешательством друга.

– Да у мужика купили. В складчину. У Светки, девчонки моей, было триста, да я еще полштуки добавил.

– За восемьсот рублей? Да что же там за одр-то купили?!

– «Запор». А что? На ходу, да и ладно. А то и на дачу не на чем съездить, а родичи мне свой «Опель» гребаный ни за что не скинут, сколько бы я не гнусил.

Сергей с живостью вскочил:

– А ну-ка пойдем посмотрим. Где он?

– А так, в гаражах. Там сейчас Светка сидит. Химичит что-то там. Автовладелица...

Огненно-желтый «Запор» в самом деле был куплен Мыскиным и Светой за восемьсот рублей, и у счастливых автовладельцев остались деньги, чтобы благополучно обмыть покупку. За этим, разумеется, не заржавело. Сабантуй состоялся в квартире Мыскина, чьи родители уехали на дачу к друзьям. Из окна кухни открывался замечательный вид на мирно стоящего у подъезда монстра «незалежніва» украинского автомобилестроения.

– А почему он желтый? – на исходе второго часа вечеринки и четвертого часа пополудни спросила Света.

– То... есть? – не понял Алик Иваныч. – Ну и что – желтый?

– Все «запоры», которые я видела, были почему-то желтого цвета.

– А какого надо?

– Ну не знаю... придумаем.

– А давайте сделаем из него кабриолет, – предложил Сережа Воронцов, задумчиво раскачиваясь на стуле и смотря через тощее плечо Мыскина.

– Чевво-о?

– Кабриолет, – повторил тот. – Возьмем и спилим верх, и получится у нас нечто вроде «шевроле» на хохляцкий манер. А потом покрасим в ярко-красный цвет, поставим «пионерские» колонки и поедем на дачу или на турбазу.

– Ты что, серьезно? – засмеялась Света. – Кабриолет?

– Алик, вот что... у тебя есть краска? – уточнил Воронцов.

– У меня даже «болгарка» есть, чтобы, значит, этот верх спиливать. Но я не подпишусь это делать... это разве что ты сам.

– Да легко!

Дело не стали откладывать в долгий ящик. Немедленно спустились вниз и открыли находящийся здесь же, во дворе, кирпичный гараж, в котором располагался купленный совсем недавно родителями Алика «Опель». Отец Мыскина, зная о деструктивных способностях сына, строго-настрого запретил тому даже приближаться к машине ближе чем на пять метров.

«Опель» трогать не стали, а просто вынесли распылитель для лакокрасочных автомобильных покрытий – так пышно поименовал его Воронцов – и «болгарку». Для лиц, слабо разбирающихся в пролетарском инструментари, – это такой инструмент с крутящимся абразив-

ным кругом, который традиционно используют для резки изделий из металла. Хорошо режет, между прочим.

– Подгони-ка сюда этот... – Сережа сделал в воздухе неопределенный, но довольно-таки пренебрежительный пасс левой рукой, а правой взял «болгарку», – ваш драндулет... «Запор», вобщем. Щас мы его будем расчленять.

– Только ты не очень-то, Нищин, – с некоторым беспокойством проговорил Алик Иваныч, глядя на решительное лицо Сергея. – Это тебе не дрова.

– Хуже... металлолом.

– Это чем же хуже? – почти обиделась Света.

– Пилится хуже.

Уродовать легко. И это лишний раз подтвердил Воронцов, за считанные минуты разделавший плюговую незалежную «иномарку» так, как мясник-виртуоз разделяет свиную тушу. Только, пожалуй, свинья стоит подороже. «Запорожец» мигом лишился крыши и стоек, на которых последняя, собственно, и держалась. Уже ненужные боковые стекла забросили в близлежащие заросли лопухов, откуда высывалось любопытствующее физиомордие вечно пьяного дворника Малинкина по прозвищу Мефтахудын.

– Кабриолет! – восхищенно воскликнул Мыскин.

– Тоже мне «Антилопа гну»... ударим автопробегом по бездорожью и разгильдяйству... – ворчливо пробубнил Сережа Воронцов, готовя к работе распылитель. – Значит, ярко-красный будет?

Работа шла не более двух часов. К шести часам вечера все было кончено, т. е. конечно, закончено.

«Запорожец» преобразился. Теперь он походил не столько на канонического участника всех анекдотных аварий, сколько на морганатическую помесь вожделенного кабриолета «Шевроле», о котором прямо-таки с гайдаровским причмокиванием говорил Мыскин, и строительной тачки для перевозки бетона и щебня, каковые функционировали еще на новостройках раннебрежневского периода. При этом он был смачно выкрашен в пионерский цвет всех времен и народов, т. е. ярко-красный с ядовито-малиновым отливом, и оборудован бесхозной аудиосистемой, которую недавно купил Воронцов за сто пятьдесят рублей у какого-то алкаша. Система была «Рiопеег» овская и соответственно стоила по меньшей мере в двадцать раз дороже уплаченных горе-продавцу денег: вероятно, отважный синемор свинтил ее из какой-нибудь иномарки как средство от похмельного синдрома.

Правда, у радикально красной прокоммунистической тональности преобразившегося «Запорожца» было одно существенное «но». Виновником этого «но» был все тот же Мыскин, который путался под ногами у красившего машину Сергея и активно снабжал того общественно полезными советами. А под конец выудил откуда-то кисточку и начал помогать Сереже, который, по его мнению, работал слишком уж медленно.

Правда, кисточка была измазана в чем-то черном, и под Аликовой блудливой десницей на поверхности левого крыла расплылось огромное черное пятно, которое при ближайшем рассмотрении оказалось такой же автомобильной краской.

Только, как уже упоминалось, не красной, а черной. Мыскина прокляли и отогнали от машины, но было уже поздно. Черное пятно позора оказалось несмываемым. И тогда сам виновник этого казуса предложил нанести такие же пятна по всей поверхности автомобиля.

– Будет как божья коровка, – радостно заключил он. – Такая типа...

– А что, не так уж плохо! – заявил Сережа Воронцов. – Чего уж тут, значит! Нужно мыслить творчески, дорогой мой Александр Иваныч.

И он бодро ляпнул отобранной у Мыскина черной кисточкой по задней двери и багажнику «запора». Переоборудовав машину таким образом, компания едва утерпела до того времени, когда краска более или менее просохнет. Разумеется, времени даром никто не терял, и

поэтому к девяти вечера, когда «Запорожец» был признан вполне кондиционным средством передвижения, все находились уже в состоянии, как говорится, тотального пьянственного недомогения.

Особенно усердствовали молодые люди (Света все-таки поддержала пресловутую слабость своего пола и выпила всего десять бутылок крепкого пива). Скорбный же на ногах и разошедшийся Сережа Воронцов торжественно поклялся, что немедленно едет кататься по аллеям находящегося совсем неподалеку городского парка. А Алик присовокупил, что следует проехаться и по мостикам этого замечательного ЦПКиО, носящего имя – ну, разумеется – М. Горького, чтобы, значит, проверить все ходовые стати новообретенного железного коня.

Сказано – сделано. Никто не стал мешать разошедшимся автолюбителям в их опасном начинании. Во всяком случае, не Света, которой замечательно остроумная и занимательная идея приятелей пришлась совершенно по вкусу.

Сборы и спуск во двор, к гаражу, возле которого находился «кабриолет», заняли еще полчаса. И хорошо, что не больше, потому что в машине уже удобно устроилась какая-то темная личность и приноравливалась снять неблагоразумно оставленную под открытым небом аудиосистему.

После двух внушительных пинков Воронцова и угрожающего вопля Мыскина подозрительная особа ретировалась, оставив после себя душераздирающий шлейф дешевого сивушного поила.

– Оо-от мразь!! – проверещал Сережа, прыгая на переднее сиденье.

– Ты куда? – подозрительно спросил его Мыскин, а потом бесцеремонно вытолкнул с водительского места. – Я!! Моя машина.

– А мусора? – вдруг весьма кстати обронил Сережа. – Если ластанут... в-в-в... что скажем? Они ж как черти из табакерки.

Риторичность данного вопроса предполагала полное отсутствие реакции на него. Если не считать реакцией нечленораздельное мычание Алика, который никак не мог найти руля, а вместо этого шарил руками то по лобовому стеклу, то по голове и прочим частям тела скоропостижно задремавшей позади него Светы, то по собственным ботинкам, перемазанным в какой-то грязи. Непонятно, откуда эта грязь взялась, если последний дождь был в начале прошлой недели.

Наконец «движок» запыхтел, заурчал, захрипел, по обкорнанному металлическому телу машины пробежали конвульсии, больше похожие на предсмертную агонию или последствия четырехбального землетрясения, и «Запор», проскрежетав днищем по груде щебня перед соседним гаражом, двинулся в свой авантюристичный и недалекий, как показало ближайшее будущее, – путь.

Сережа Воронцов нажал кнопку «Play», и из колонок вырвался упругий агрессивный звук «Red hot chili peppers».

Приткнувшаяся головой к сиденью Света подпрыгнула на своем месте и схватилась руками за уши. Вечерний вояж начался.

* * *

Им несказанно повезло.

Одно то обстоятельство, что грохочущий на все близлежащие кварталы «Запорожец» вообще доехал до находящегося в пятистах метрах от дома Воронцова и Мыскина городского парка, было маленьким чудом. Проехал мимо патруля ГИБДД, мимо патрульной машины ППС, по синусоиде, сильно напоминающей траекторию передвижения кардинально нетрезвого человека. Да и вообще – доехал.

Возле одного из входов в парк находилось летнее кафе, почти под завязку забитое посетителями. Мыскинское суперавто, периодически испуская жирные клубы дыма, чавкая и рыгая, ворвалось на автостоянку близ него, едва не вписавшись в крыло грязноватой темно-серой «бэмвэшки» потрепанного ветеранского вида. Клиентура кафе замерла, а спустя несколько секунд напряженного, как бык-производитель при исполнении, созерцания впала в истерический хохот. Особенно смеялся крайний столик, уставленный пивными бутылками и утыканный пьяными мелкоуголовными харями. К счастью, Алик с внушительного тычка Сережи понял, что останавливаться и выяснять отношения с возмутительным столиком чревато значительным ущербом для здоровья. Поэтому он прошкандылял мимо, да так удачно, что зацепил стул, на котором сидел один из весельчаков, и тот – разумеется, упомянутый весельчак, а не стул, – с воем ухнул на землю.

– А, урроды!! – торжествуя завопил Сережа, привставая на своем месте. – Газуй, Алик!!!

– А-а-а!!

«Запорожец» с треском продрался через кусты и на полном ходу выкатил на аллею, в конце которой виднелся небольшой, метров десять длиной и примерно три шириной, каменный мост, переброшенный через безнадежно протухший и обмельчавший ручей. В другом же конце аллеи Сережа увидел двух грозного вида лиц в милицейской форме, полным ходом спешащих к нарушителям общественного спокойствия.

– А вот этого не надо... – пробормотал Воронцов, отчего-то шаря по карманам. – Пора соскакивать, Алик.

– М-менты?

– А ты кого надеялся здесь встретить... ым-м-м... архиепископа? – в духе Джона Сильвера проскрежетал Воронцов и басовито икнул, потому что на одной из колдобин рахитичное тельце «Запора» трянуло так, что чуть не вышибло дух и из его изношенных внутренностей, и из его незадачливых седоков.

– Был-а-а!..

«Запор» проехал по аллее и бодро взлетел на мост. Если бы его рулевое управление не так очевидно дышало на ладан или Алик Мыскин был хотя бы не так пьян, то все бы обошлось.

Но так...

... в самый ответственный момент «кабриолет» снова подлетел на очередной кочке, руль заклинило, и автоодр, затрещав на какой-то головокружительно высокой ноте, от которой бы не отреклись лучшие теноры Ла Скала и Большого, врезался в перила с левой стороны моста и, легко круша податливый обветшалый камень, спланировал в неподвижную темную воду в двух метрах под ним.

Шлейф пепельно-белых в подступивших сумерках брызг вырос над захлебнувшимся собственной песней и водной стихией горе-кабриолетом, и в следующую секунду Мыскина швырнуло головой прямо в вонючую прибрежную тину, а Сережа Воронцов, протаранив грудью державшееся на не очень честном слове лобовое стекло и демонтировав его вместе с частью капота, по-жабы шмякнулся в воду в самом глубоком месте ручья.

Глубина здесь доходила до шестидесяти сантиметров. В машине удержалась одна Света, мокрая как цуцик.

– Кажется, у нашего «Запора» теперь подмоченная репутация, – пробормотал оглушенный падением Сергей, выплевывая изо рта отвратительную слизистую тину.

– Это точно, сукины дети, – прозвучал над его головой голос, в котором нетрудно было распознать не сулящие ничего хорошего административно-правоохранительные нотки...

В отделении Мыскина и Воронцова продержали всю ночь. Свету же отпустили домой часа в два ночи, а вот двух молодых людей серьезно пожурили. Даже несмотря на то, что Сережа

и Алик явно не относились к категории лиц, с которыми можно было поступать как угодно. В частности, им сделали скидку как непосредственным участникам второй чеченской...

Впрочем, отделались они все-таки легко: у Мыскина на год отобрали права, а в отношении Сережи Воронцова вообще ограничились штрафом по безобидным статьям административного уложения о наказаниях: «мелкое хулиганство» и «появление в общественном месте в нетрезвом виде».

– Такие серьезные, заслуженные люди, – укоризненно сказал капитан, – отслужили, как полагается, не то что всякие молокососы, которые косят во все лопатки и через папу-маму перекрываются. В Чечне не были? Где служили-то?

– В армии, – буркнул Воронцов.

Сережа явно не был расположен вести душевную беседу с ментом ППС.

Но главный итог вечера трудного дня был для них все-таки иной: «Запор» реанимации не подлежал, а дорогостоящая «Пионеровская» система, досыта наглотавшись инфекционной воды и тины, приказала долго жить.

Если бы они только знали, что на самом деле вовсе не утрата несчастного автоодра станет главным итогом этого феерического уикэнда.

Если бы они только знали, что совершенно иное, вытекающее именно из этого буйного летнего вечера, послужит не только главным следствием этого вечера, но и тем, что перевернет их, Сережи и Алика, последующую жизнь. Перевернет, потрянет, а потом поставит на край гибели.

Если бы они только знали.

* * *

В то время, как в городе, где жили Воронцов и Мыскин, была жара, в Москве начался ливень с градом и ураган. Ураган тем более неистовствовал, что ему наконец удалось сломать сопротивление теплого и толстого, как медвежья шуба, антициклона, укутывавшего российскую столицу больше месяца и поддерживающего столбик термометра в исключительно приподнятом настроении. Ураган прокатился по Москве, как разъяренный слон в посудную лавку. Он ломал и крушил. Потом ураган улегся, но только набрал силу ливень. Он клокотал и пенился за окнами, неласковый, злобный, тащил за собой, как бычка на привязи, рычащий и спотыкающийся гром, – а в плотно зашторенном огромном кабинете, богатыше обставленном и тихом, как неописуемо роскошный саркофаг, царила тишина. Сквозь ее властный полог не пробивались ни звуки дождя, ни конвульсивно-рваные вздохи ветра. Ее, эту тишину, тревожили только негромкие и отрывистые слова – холодные, веские, падающие на матово мерцающую поверхность огромного стола, как капли расплавленного воска. Нет, свинца. Мягкий рассеянный свет сочился с потолка и стен, отчего оказалось, что на них раскидано несчетное количество микроскопических светильничков. Да, быть может, так оно и было...

А слова – капли свинца – падали и падали:

– Я не думаю, что это возможно. Эти джеймсбондовские штучки и установочки – не метод для серьезной работы.

Сказавший эти слова рослый светловолосый здоровяк лет около тридцати пяти настороженно посмотрел на небритого черноволосого мужчину в дорогом сером костюме – очевидно, «Vigioni». У мужчины было длинное узкое лицо с холодными серыми глазами и утиным носом, строгие тонкие губы и властный подбородок, выдающийся вперед. Услышав то, что сказал его собеседник, небритый мужчина поджал губы и, положив руку на трубку одного из стоящих перед ним многочисленных телефонов, негромко проговорил:

– Мы платим вам большие деньги не за то, чтобы вы становились во вторую позу Геннадия Андрейча Зюганова перед принятием «грабительского» и «антинародного» бюджета в первом чтении и говорили мне тут: ах, это невозможно, – и забарабанил пальцами по столу.

– Но, Антон Николаевич...

– Да не нужно мне никаких «но»! – перебил его мужчина с холодными серыми глазами. – Я сам понимаю, что это в самом деле невозможно. Подумать только: уничтожить Романа Вишневецкого! Примерно с такой же степенью вероятности можно выдать директиву: убить Бориса Березовского или даже – убить Путина. Но ведь нужно не констатировать собственную беспомощность, а пытаться изыскать какие-то новые способы, новые методы ведения работы, вот что! Думаете, я не имею понятия о том, какой уровень охраны у господина Вишневецкого? Если вы так думаете, что совершенно заблуждаетесь! Я прекрасно знаю цену его службе безопасности. Она очень высока, эта цена. Все-таки не кто-нибудь, а олигарх! Не нравится мне это словечко, но тем не менее... Один Адамов, шеф «секьюрити» Вишневецкого, стоит десяти... вот именно, десяти!.. десяти дюжин таких деятелей, как вы!

– Но в таком случае отчего же вам ни прибегнуть к помощи другого, более высокопрофессионального специалиста? – мастерски подстроившись под холодный, сдержанный тон собеседника, спросил блондин.

Небритый постучал по столу полусогнутым пальцем и, закурив, проговорил сквозь зубы:

– Потому что лучше вас я пока что не нашел. Разумеется, среди тех, кого можно купить. А вот Адамов не продается. К моему сожалению и сожалению моего шефа.

– А говорят, что приказ на уничтожение Вишневецкого имела ФСБ, и получен был приказ чуть ли не от... в общем, велись же обыски и выемки документов из головного офиса «Микойла», «Альмерского алюминия» и даже «Транссибнефти» – самого лакомого кусочка из жирного пирога империи Вишневецкого!

– Вы слишком много болтаете, – перебил человек с холодными серыми глазами. – Возможно, что это и соответствует истине. Я не собираюсь ни подтверждать, ни опровергать сказанное вами касательно приказа на физическую ликвидацию Романа Арсеньевича. Значит, структурам ФСБ оказались не по зубам службы безопасности Вишневецкого.

– По-моему, он собрал у себя чуть ли не самых лучших специалистов во всем бывшем Союзе, – осторожно заметил его собеседник. – Они работают практически идеально. Я сам не раз убеждался в том, что...

– Ну вот... вы начинаете хвалить собственную контору – службу безопасности Вишневецкого. Хотя, наверно, ваша оценка близка к истине. – Антон Николаевич потер небритую щеку и прищурил и без того узкие глаза. – Впрочем, в любой, даже самой неприступной крепости можно найти слабое место. Определенная брешь. Мне кажется, у господина Вишневецкого такое место есть.

– Вы, конечно, говорите о его племяннике? – осведомился блондин. – Об Андрее?

– Вот именно, Алексей. Постарайтесь познакомиться с ним поближе. Говорят, дотаточно интересная личность. Или вы уже знакомы с этим господином?

– Да.

– Ну что ж... тогда постарайтесь побыстрее...

Алексей пожал плечами и осмелился перебить Антона Николаевича:

– Я работаю в этом направлении. У меня есть знакомство с одним человеком из близкого окружения Вишневецкого.

– И кто же это?

– Моя жена.

– О! – выговорил Антон Николаевич. – О! Однако. И кто же она при этом Андрюше Вишневецком?

– Она солирует в его группе подтанцовки.

– Ясно. Она с ним как... в каких отношениях?

Алексей помрачнел.

– Кажется, в никаких, – наконец сказал он. – Андрюшу Вишневого, по всей видимости, женщины не интересуют. Вообще он редкий отморозок. Из гей-клубов не вылезает: то в «Центральной станции», то в «Черном лебеде»... то еще где-нибудь.

– Значит – педераст?

– Вообще-то, вроде как би.

– Что, простите?

– Би. Бисексуал то есть. И с мужиками, и с бабами.

Антон Николаевич пожал плечами:

– Вот как? Ну что ж... бывает. А репертуар у него, по-моему, ничего. Моя дочь, во всяком случае, слушает и на концерт ходила раза два. В ночной клуб. Во всяком случае, бывает и хуже.

– Я не люблю нашей эстрады, – холодно ответил человек из службы безопасности одного из богатейших людей России, из числа тех, кого кратко именуют «олигархами», – владельца нефтяной империи и ряда алюминиевых заводов Романа Арсеньевича Вишневого.

– В общем, так, Алексей, – сказал Антон Николаевич, – я могу вам помочь в разработке племянника Вишневого. У меня есть неопровержимые доказательства того, что несколько лет назад Роман Вишневский и Лев Габрилович подстроили гибель матери Андрея. Своей соответственно сестры и жены. Она знала что-то такое, отчего им мало бы не показалось. Ее убрали...

ГЛАВА ВТОРАЯ. ЗАНИМАТЕЛЬНЫЙ ВЕЧЕР ИМЕНИ ЖЕНИ КОРНЕЕВА

* * *

Женя Корнеев всегда считал себя очень крутым, преуспевающим и вообще в высшей степени замечательным человеком. Будучи вполне нормальным заурядным снобом, отличающимся от серой людской массы разве что количеством дензнаков – иногда зеленой окраски – в кармане пятитысячных джинсов, он тем не менее с трогательной высокомерной непосредственностью полагал, что человек, покупающий себе трусы меньше чем за сорок долларов, определяется простым и полифункциональным понятием «лох».

Утвердился он в этом примечательном мнении после того, как с подачи отца, преуспевающего бизнесмена, поступил на работу в казино при ночном клубе «Золотые ворота» и с первой же полочки демонстративно приобрел в дорогом бутике упомянутую деталь нижнего туалета на глазах несколько озадаченного Сережи Воронцова.

– Типа стоящая вещь, – сказал Женя, взвешивая на руке жалкий сверточек за пятьдесят семь долларов. – Надо учиться жить по-человечески. Когда я был во Франции проездом из Амстердама в Милан...

Заграничные поездки Евгения Корнеева ограничивались посещением ближнего зарубежья, то есть Крыма и Эстонии, а также короткого визита в Лондон, куда его как-то раз взял отец. Но это не мешало г-ну Корнееву строить из себя графа Монте-Кристо, объездившего весь мир. Правда, пока Женя не говорил с пренебрежительно отвисшей нижней губой: «У меня гарем в Смирне, гарем в Каире и гарем в Константинополе», как то позволял себе классический герой Александра Дюма, но какие его, то есть Корнеева, годы!

Ведь ему было только двадцать один год, т. е. ровно столько же, сколько его бывшему однокласснику Сергею Воронцову, так что он еще надеялся успеть покорить весь мир.

Тот же граф Монте-Кристо в этом возрасте злобно протирал тюремные тюфяки замка Иф и поджидал, как его осчастливит и облагодетельствует своим визитом аббат Фариа. А вот Женя не ждал ни от кого благоденствий, напротив, он сам выступал в роли благодетеля – Женя Корнеев милостиво позволял обучать себя преподавателям романо-германского отделения филфака университета – людям, которые совершенно явно подпадали под категорию «лошья», поскольку едва ли получали в месяц денег достаточно хотя бы для того, чтобы заплатить за половину новообретенных корнеевских трусов. Своим же многочисленным знакомым – друзьями он принципиально в обзаведении не держал – он милостиво позволял именовать себя на нездешний лад Юджином. Третью милость Юджин оказывал своим подругам, коих, несмотря на его хоть и видную, но откровенно снобистскую внешность, у него почему-то было много. Милость заключалась в том, что Корнеев снимал на скрытую камеру свои любовные игрища, а потом, раздуваясь от спеси, показывал знакомым, хотя бы тому же Воронцову.

И вот этого честного гражданина Земли занесло в квартиру Сережи поздно вечером, на следующий день после чудесного автомобильного вояжа в горпарк. Хозяина квартиры он застал в совершенно растрепанных чувствах. Сережа нервно расхаживал по комнате и периодически восклицал себе под нос:

– Ну, на хер такое надо?!

В углу сидел, вернее, полулежал в глубоком кресле похмельный Мыскин с разбитой физиономией и тоже рефлексивно грустил.

Юджин поинтересовался, а в чем, собственно, дело. После того, как Воронцов, то и дело перемежая информативную часть своего рассказа сочными ругательствами, довел до его сведения, что произошло ночью, Корнеев начал хохотать.

Смеялся он долго, с наслаждением, так, что на глазах выступили слезы. Сережа буркнул что-то непечатное, а Юджин невольно ухмыльнулся, хотя забавного вообще-то было немного.

– Ладно, в общем, ситуация обрисовывается так, – заявил Юджин, – довольно предаваться сетованиям о растроченной юности и все такое... предлагаю культурно развеяться.

С тех пор как Корнеев поступил в казино, он почти полностью исключил из своего лексикона нецензурные выражения, а если и употреблял, то выговаривал их без всякой экспрессии, цедил сквозь зубы. Изъяснялся он вычурными формулировочками типа сакраментального бендеровского «всемиловестейше повелеть соизволил».

Сережа поморщился.

– Куда?

– Ко мне, естессна-а. В «Золотые ворота». Проведем досуг как белые люди.

– А деньги? – тоскливо спросил Воронцов.

– У многих складывается ошибочное мнение, что в казино предполагается только просаживать деньги, – помпезно заявил Корнеев, краем глаза поглядывая на себя в зеркало: красавец! – но это совершенно неверно. Ко всему надо подходить с умом и осмотрительностью. Тогда даже самое расточительное, казалось бы, дело может приносить доход. Ловите мою мысль, нет?

Мыскин пробурчал что-то неопределенное, Сережа Воронцов и вовсе от комментариев удержался. Он просто сонно таращил глаза в стену, а в финале Юджиновой речи издал неопределенный звук, долженствующий означать смеховую реакцию, но на деле представляющий собой нечто промежуточное между кудахтаньем курицы и хрипением завязатого астматика.

У Сергея по-прежнему не укладывалось в голове, каким таким манером можно пойти в богатое казино, не имея за душой ни гроша.

– Например, известно ли вам, господа, что такое «ройал флэш»? – красуясь и гарцуя на стуле, выговорил Юджин. – «Ройал флэш» – это такое милое дело, благодаря которому в нашем казино недавно состоялся выигрыш в пятьдесят тысяч долларов. А все потому, что везение – ррраз! – начал загибать пальцы Корнеев, – рисковость – два, ну и, так сказать... гм... некоторая ангажированность крупье – три.

– Чево? – буркнул Алик, которого при пышном слове «ангажированность» едва не ошастливил визитом рвотный спазм.

– Да просто все, – сказал Сережа Воронцов, – клиент и крупье обули казино и поделили выигрыш. Так, нет?

– Совершенно верно, – торжественно объявил Юджин. – И я предлагаю вам сегодня вот такую игру. Ведь, если не ошибаюсь, вам нужны деньги?

Аргумент был, как говорится, из разряда неотразимых. Воронцов скользнул взглядом по обшарпанным стенам своего обиталища, из соседней комнаты которого слышался ужасающий храп деда, и выговорил:

– А ты что, предлагаешь нам такую махинацию?

– Не знаю, как Алик, а ты, Серега, всегда, кажется, был парнем рисковым. Так что я по старой дружбе предлагаю тебе услугу. Конечно, небезвозмездно: я получу определенный процент от выигрыша.

Воронцов, шурясь, смотрел на непроницаемо серьезную физиономию Юджина: ему показалось подозрительным такое прекраснородушие человека, который никогда не славился меценатскими качествами и деньги если и вынимал из кармана лишний раз, то только для того, чтобы, как говорится, «пофишить» ими перед куда менее богатыми знакомыми. Юджин даже не моргнул под пристальным взглядом Сережи.

– Нет, – наконец выговорил он, – не понимаю, к чему ты клонишь, Юджин. Может, говоришь одно, а получится совсем другое. Игра – оно дело непредсказуемое. Если что, как я потом из долгов выкарабкиваться буду.

Юджин тяжело вздохнул и встал с кресла.

– Ну что, Серега, тебе сказать? – отозвался он. – Нечего тогда мне тебе сказать. Я-то думал, что ты хватаешься за шанс обеими руками. А теперь вижу, что ты хоть и отхватил от деда фамилию Воронцов, но все равно как был Нищин, так им и остался. Кстати, о Нищинух: видел твоего почтенного батюшку. Он у нас в подвале с канализационными трубами возился, а потом на седьмой этаж за самогоном поднялся, к Машке.

Упоминание фамилии Нищин и, в частности, персоны папаши, самого ответственного и яркого носителя представленной фамилии, взорвало Сережу:

– Ну, ты!.. Полегче. Не на до меня на «слабо» брать, тут тебе не передача «Сам себе режиссер».

– Ладно, ладно, – примирительно замахал руками Юджин, – мое дело предложить, твое отказаться. Просто новеньким всегда везет, а если я еще немного помогу, то может повезти крупно. Ну ты что, Серега, в самом деле... я же вижу, ты из армии пришел, денег нет, работа тоже на таком солнце никакая... а тут если шанс быстро и ловко нарубить бабок. Как Родион Раскольников нарубил, а?

И, выдав эту примечательную литературную ссылку, Юджин хитро подмигнул Сергею и Алику. Воронцов передернул плечами: от храпа деда шел такой звуковой эффект, словно остервенело драли железом по стеклу, и несчастное стекло визжало и искрило блесками во все стороны. Сергею внезапно стало стыдно за свои колебания, и он подумал, что в своей короткой жизни приходилось ему идти и на большой риск.

– Ну что ж... – отозвался он, чувствуя, как начинает гулко подпрыгивать сердце, – можно попробовать. Когда, сегодня, нет?

– Да. – Юджин вынул из кармана тоненькую пачку сотенных купюр и протянул Сереже. – Вот тебе на первоначальные ставки. Как все выгорит, сочтемся.

Воронцов посмотрел на Мыскина, на похмельном лице которого явственно промелькнула тревожная гримаса. Но пальцы уже сжали банкноты.

* * *

Казино «Золотые ворота» в самом деле было одним из самых внушительных развлекательных комплексов города. В затемненном зале казино, где свет разбрасывали лишь несколько неоновых мягких ламп и крутящийся фейерверк в самом центре казино, тем не менее не казалось темно. Напротив, полумрак навевал какой-то располагающий к неспешному отдыху уют. А, быть может, это настроение сообщала даже не звучащая, а как-то пропитывающая прохладный кондиционированный воздух легкая музыка. Сергей Воронцов вошел в казино, когда там было уже не так мало посетителей. В большинстве своем сейчас тут не играли, а ошивались у залитой разноликим будоражающим неоном стойки бара, находящегося в некотором отдалении от основного зала казино.

У этой стойки Сергей, поблуждав взглядом по залу, нашел и Юджина: крупье пока что не работал, а меланхолично пил кофе и разглядывал переливающуюся и фосфоресцирующую, как фитопланктон в океане, прозрачную плиту в основании стойки бара, на которой стоял крутящийся стул Юджина.

– Здорово, – сказал Воронцов, присаживаясь рядом с ним. – Чем порадуешь?

– А-а, Серега! – заговорил тот. – Пришел? Ночка должна выдаться занимательная. Ну, что пить будешь?

И Юджин выразительно посмотрел на бармена.

– Вот что. А забавай какой-нибудь коктейльчик... по своему желанию, Берт, – сказал Корнеев этому самому бармену, нерусского типа молодому человеку, тщательно причесанному и выбритому, с гладким лощеным лицом и неприятными черными, как оливки, глазами. В белоснежной сорочке, под неоновым световым великолепием отливающей лиловым, и в довольно-таки вульгарной цветной жилетке.

– Понял, – быстро ответил тот. – А тебе, Юджин, уже работать пора. Клиентура прибывает.

– Одну минуту, – отозвался Юджин, повернулся к Воронцову и негромко произнес, – подойдешь ко второму столу с блэк-джеком, там буду я. Поставишь две фишки по полтиннику. Потом сам поймешь.

– Хорошо... – пробормотал Сережа, принимая изготовленный барменом Бертом коктейль. – Сейчас я только немного освежусь.

– Ну разве что немного. А где Алик?

– Он подойдет позже. У него же родители на неделю на дачу уехали, так он у себя на хате со Светкой отвисает.

– А... это такая рыжая кобыла с огромными сиськами?

– У тебя всегда был вкус в оценке девушек, – кривясь, отозвался Сергей, – а главное – такт.

– Да ну, не гнуси ты, Серега. Чтобы ты понимал в бабах, после своей армии-то. Тебе сейчас любая шмара за Клаву Шиффер покатит. А сегодня такие свеженькие миленькие девочки наличествуют, – сказал Юджин и многозначительно подмигнул. – Насмотришься на них, а если удачно выиграешь, то можешь и не только посмотреть. У нас их тут можно прямо по анекдоту...

– Какой анекдот? Какой-нибудь под Карла Маркса – бородатенький? – выговорил Воронцов, вытягивая коктейль через трубочку.

– А как же! Значит, так. Нанял бизнесмен новую секретаршу. Как вот мы позавчера новых девочек. Знакомит ее, типа... с ее новыми обязанностями: «Вот стол, за которым вы будете работать». – «Хорошо». – «Вот телефон с автоответчиком, по которому вы будете отвечать на звонки и помогать мне связываться с нужными людьми». – «Хорошо». – «Вот кофеварка, в которой вы должны уметь быстро приготовить кофе и подать в мой кабинет». – «Хорошо». – «Вот компьютер, на котором вы будете рассылать и принимать факсы, электронную почту, работать в Интернете, и все такое». – «Хорошо». Бизнесмен хренеет от его обширного лексикона: «Да ты хоть кроме „хорошо“, какие-нибудь слова знаешь, а?!» – «Знаю. Секс. Минет.» – «Хо-ро-шо-о-о...»

Сказав все это, Юджин исчез. Сережа стал допивать коктейль. Бармен Берт включил телевизор в режиме Mute (т. е. без звука), и на экране замелькали размалеванные лица, широкие, веерно разлетающиеся одежды, а потом кадр укрупнился, и Сергей увидел безобразно отмакияжированное лицо существа непонятного пола; впрочем, существо тут же показали в полный рост, и исходя из того, по каким контурам и выпуклостям обтянули красные кожаные штаны ноги этого существа – то оно все-таки было мужского полу. Клип заканчивался, и появилась короткая надпись: АСКОЛЬД. «Гвадалахара».

– Вот пидор... – пробормотал Сережа. – Выпускают же таких уродов...

Он отвернулся от телевизора и увидел, что Корнеев уже раздает карты игрокам в блэк-джек. В тот же самый момент, когда Юджин занял свое рабочее место за игорным столом и начал принимать ставки, в зал вошли два новых посетителя.

Один из этих вновь вошедших был рослый мужчина лет около тридцати пяти, в дорогом пиджаке, со спокойным широким лицом и спокойными темными глазами под аккуратно уложенными в челку светло-каштановыми волосами. Даже под пиджаком было видно, что он просто-таки богатырской комплекции. И, надо сказать, его телосложение в сочетании с высту-

пающими острыми скулами широкого лица, глубоко запавшими словно от усталости сощуренными глазами – неподвижный взгляд! – и массивной угловатой нижней челюстью выглядело достаточно характерно. При всех этих не самых симпатичных особенностях внешности мужчины смотрелся отнюдь не отталкивающе, даже напротив – вполне привлекательно. Вероятно, свою роль играло то изящество и легкость, с которыми он нес свое статное массивное тело.

Рядом с ним в зал казино вошел невысокого роста человек с темным, одуловатым, нездорового цвета лицом и длинным носом. Этот второй выглядел далеко не так внушительно, как его спутник, и потому все время суетливо пробегал взглядом по стенам казино и по лицам посетителей, словно пытливо ища кого-то или пытаясь разглядеть их реакцию на свою персону. Реакцией этой они его не баловали, а потом он перестал крутиться и последовал за ровно вышагивающим здоровяком прямо к стойке бара, за которой сидел Сережа.

Они уселись в некотором отдалении от Воронцова и, заказав себе по бутылке пива «Невское», стали лениво потягивать его. И какое удовольствие сидеть в казино, когда можно спокойно пойти в кафешку или ресторан и там выпить и закусить, а не стоять тут и не портить пронизанную флюидами азарта атмосферу... нет, портить не естественными газообразными отправлениями организма, а самим своим равнодушием к Игре.

Сергей глубоко вздохнул, допил коктейль и направился к игорному столу, за которым священнодействовал Юджин. С первых же ставок ему начало везти. Причем везти так, что, быть может, Юджин был тут не совсем при делах. Сережа даже проверил свое предположение, поставив три фишки на рулетку, и тут же умудрился сорвать весь банк, верно угадав число.

Юджин косился на него, кажется, с одобрением. За полчаса Воронцов выиграл около десяти тысяч. При этом он выглядел как взмыленная лошадь, которую прищпоривал по дистанции особо рьяный и озлобленный жокей. Деньги, которые давались с такой завораживающей и фееричной легкостью, опьяняли его не меньше иного спиртного, и Юджин, вцепившись взглядом в бледное лицо Сережи, произнес вполголоса:

– Пойди освежись. Попроси у Берга коктейль «Ариозо». Это наш фирменный, самый дорогой, но тебе сейчас, по-моему, особо бабло считать не приходится... поперло, Серега, поперло! Но главное – впереди.

Как раз в этот момент в казино заявился гражданин Мыскин. Этот был в откровенно упадническом состоянии, имеется в виду не то, что Алика обуревали декадентские мотивы, а всего лишь его неотвязное стремление принять горизонтальное положение. Прочем, раз за разом Алик Иваныч свято выдерживал вертикаль. В связи с намеченным походом в казино Алик облачил свое длинное тощее тело в отглаженные брючки, белую рубашку с длинным рукавом, которая вместо того, чтобы придать Мыскину солидность, делала его фигуру еще более длинной и тощей. Алик заметил Сергея сразу. Направился к нему довольно бодрой и деловитой, хотя и несколько клонящейся в синусоиду, походкой. Несколько раз поглазел на вяло танцующих девиц, вопреки всем правилам казино составляющих подтанцовку и отвлекающих клиентов от игры, сунул одной из них в трусики десятирублевку, при этом едва не порвав последнюю деталь туалета бедной девочки. Впрочем, судя по всему, та приняла «деревянную» десятку за стобаксовую купюру.

Алик подошел к Сереже Воронцову.

– Ну как у тебя?... – осведомился он. – Чего-нибудь выиграл?

Воронцов молча сунул в вытаращенные глаза Мыскина пачку смятых пятисотенных, а потом все так же молча убрал деньги в карман.

– Уффф!.. – выдохнул Алик. – Это надо же, а?! Не, ну тут если такое дело, то надо срочно выпить по чуть-чуть.

– Ты, уже, кажется, чуть-чуть выпил, – отозвался Сережа, – может, тебе хватит?

– Ква... хва... да нет, ты че, успехи полагается вспрыскивать! – запротестовал тот. – А то дальше не пойдет.

– Ладно, – сказал Сергей.

Они подошли к стойке бар, и Воронцов, припомнив название упомянутого Юджином коктейля, сказал:

– Нам два коктейля «Ариозо».

Берт моргнул и поднял на Сережу взгляд оливковых глаз, в которых Воронцов, как показалось ему самому, увидел некоторое недоумение.

– А что тут такого, Берт? – выговорил он. – Это мне Юджин порекомендовал. Сказал, что это ваш фирменный.

– Конечно, конечно, – кивнул Берт и нырнул под стойку, очевидно, добывая какие-то из ингредиентов коктейля с таким поэтическим наименованием, а Мыскин качнулся лбом к стойке и, едва не придя с ней в тесный контакт, выбулькнул:

– Ну и рожа... у здешнего барыги. Да и имечко: Берт... да-а-а.

Через минуту охаянный Аликом бармен Берт поставил перед Мыскиным и Сережей Воронцовым два запотевших от холода бокала, до половины заполненных каким-то мутно-зеленоватым пойлом, словно бы слабо светящимся изнутри.

– Жабья жидкость, – буркнул Мыскин. – Вы че, туда фосфора, что ли, насовали? Жидкая соба... собака бррр... Баскервилей...

– Попробуем, – сказал Сережа и отхлебнул коктейль со столь оригинальным названием. Да! И вкус этого напитка, чуть горьковатый, тянущий, но какой-то необычайно свежий и совершенно без ощущения алкоголя, – это впечатляло не меньше, чем название. Недаром у Юджина так горели его обычно мутноватые водянистые глаза, когда он говорил о коктейле «Ариозо».

Да и Мыскина, судя по его лицу, проняло. И это несмотря на то, что он уже по приезде сюда был до отказа загружен спиртным и уже у себя дома, интенсивно общаясь со Светой, начал плохо отличать водку от шампанского.

И все как-то неумовимо изменилось вокруг. Словно повеяло свежим ветром, а в жилах доньине тягучая и вязкая, ленивая кровь заискрилась и зашипела, как новогоднее шампанское. Воронцов с легким приятным удивлением почувствовал, что он нужен здесь, в «Золотых воротах» и что каждый человек, который дышит с ним одним воздухом под этим фосфоресцирующим потолком казино, бесконечно дорог...

Таа-а-ак! Впечатляющий коктейль! Что они туда, в самом деле, насовали? Напичкали его наркотой, что ли? Такое впечатление, что эндорфины – так называемые «гормоны счастья» – взорвались и заполнили весь организм.

На лице Алика вообще появилась умильная гримаса. Глаза сощурились, по физиономии, как сыр в масле, каталась длинная довольная улыбка.

– Вот это торкнуло! – с восхищением выдохнул он. – Слышь, бармен, а ты не мог бы дать рецепта этого зам-мечетельного... напитка?

Берт покачал головой.

– П-панятна-а!.. – протянул Алик.

После приема «Ариозо» вернулись к столу Юджина и поиграли еще. Сережа выиграл еще пять тысяч. Соседи по столу смотрели на него удивленно и недоверчиво, а на сухом лице крупье Корнеева не отражалось ни единой, даже самой мизерно скудной, как дождик в Сахаре, эмоции. Лишь когда посторонние игроки отошли и у стола остался только Юджин, манипулирующий картами, и Сережа с Аликом, крупье позволил себе чуть скривить уголки рта и произнести:

– Можете немного отдохнуть, господа.

– О! – оживился Алик, который проиграл триста рублей, принесенных с собой в казино, да еще двести позаимствованных у Воронцова; благодаря этому обстоятельству его игроцкий пыл поулег. – Пойдем хлопнем еще по коктейльчику.

Но Сережа не мог оторваться. Игра уже затянула его, как омут. Его пальцы дрожали, перебирая карты с такой нервностью и трепетностью, словно не мертвые куски пластика он держит, а живых, прихотливо расписанных птиц. Он поднял глаза на Юджина: тот мимикой, скупыми движениями губ и бровей показывал ему не горячиться. Дескать, все главное и самое серьезно еще впереди.

Впереди «ройял флэш», которым можно сорвать по-настоящему огромный куш.

– Я повременю, – сдерживая дрожь, сказал Сергей.

– А вот я... ладно, давай последний раз, – кисло сказал Мыскин Юджину, – одну по полтишку ставлю. Так... ну... еще... э-э-э... упа-а-ал!!

У Мыскина был перебор.

– Ерунда какая, – пробормотал он. – Серега, займи мне столик, выпить надо.

– Выпьем.

– А не повезло в игре, повезет в любви, – многозначительно подмигнул крупье Юджин и выразительно посмотрел туда, где в буйствующем скрещении лучей светового шоу под там-тамы двух полуголых мускулистых негров извивались три почти обнаженных танцовщицы, резко кидая свои точеные тела туда-сюда и застывая в самых немислимых позах.

– Не нравится мне, что в вашем казино такие безобразия с голыми девками, – икнув, кисло выбулькнул Алик, который сам придерживался далеко не пуританских взглядов. – Баловство это... казино – это место серьезное... деньги, игра, а не бордель с голяком...

ГЛАВА ТРЕТЬЯ. В ОЖИДАНИИ «РОЙЯЛ ФЛЭША»

* * *

Воронцов не помнил, сколько прошло времени. Вроде бы только что стол за игорным столом, но ш-ш-ш... что-то сдвигалось в голове с легким шипением, словно уходил театральный занавес – и уже пестро лезли в глаза этикетки с разнокалиберных бутылок со стеклянных полочек бара, и мягко, невыразимо приятно стелился в ушах бархатный голос певца Аскольда, которого Сережа еще недавно в праведном гневе титуловал пидором, а яркие сочные тона телевизора выбрасывали блики, из которых ткались все новые и новые контуры, лица, яркие развороты движений и жестов...

Сережа повернул голову и обнаружил сидящего рядом с собой Алика Мыскина.

– Так, Алик, теб-бе уже хватит.

– Ну все одно и то же мне гнусишь... одно и то же, тебе ква-а-атит, тебе ква-а-ават! – возмутился Мыскин. – Расвакался! Ник-какой фантазии у тебя, В-ввваранцофф! Граф, блин, а гришь... как сантехник Гррришка ты гришь... в-вот.

Хоть бы что-нибудь новое сказал.

С новым у Сережи Воронцова были проблемы. Три выпитых один за другим коктейля «Ариозо» оказали на него странное, магнетическое, можно сказать, колдовское действие. Он беспричинно улыбался и время от времени повторял сакраментальную фразу касательно того, что «Алик, тебе уже хватит». Большого его мозг сконструировать не мог. Громадные деньги, посуленные Юджином и его «ройял флэшем», казались близкими и вполне уже реальными, и Воронцова ничуть не смущало то обстоятельство, что эти деньги нужно еще было выиграть, а потом отстегнуть из суммы не хилый процент коварному крупье Юджину, ведущему двойную игру. Таинственный «ройял флэш» представлялся Сереже таким могущественным магом, персонифицировался в смутном облаке, принимающем облик джинна из бутылки... кстати, о бутылке:

– Уже второй бутылек пролетает, как мотылек... вы-ы глотку, – надсадно бубнил Алик, вытирая губы о рукав своей рубашки. – Типа ничего не пил, а уже в говно... алкоголизм... к наркологу. А вот теперь сам понял... думаешь, мы нам, алкоголикам, легко... думаешь, там тебе не тут... что мы меды распиваем?

Бармен Берг посмотрел на Мыскина с каким-то странным застывшим выражением на лице, а потом написал что-то на бумажке и спрятал в карман.

– Может, перейдем на пиво? – переспросил он.

– П-пиво, – машинально повторил Алик. – И хх-хачу угостить в-вас... пивом «Невское»... – пробулькал он вдогонку собственной коротенькой фразе. Явно из какой-то рекламы. Ну да: реклама пива «Невское».

«В-в-в... чего же, все-таки, Алик так нажрался», – проползла в голове Сережи надсадная досадливая мысль, а потом голос бармена Берта, холодный и четкий, гулко проговорил:

– Да... перебрал ты что-то сегодня. И денег просадил, говорят... совсем не слабо. Отдохнуть немного не желаете, господа?

– Ж-жела... ж-желаем, – прожужжал Алик, потому что Сережа Воронцов словно бы и не собирался отвечать, а просто мутно пялился на сидящую неподалеку от него фигуристую белокурую девицу лет не больше чем восемнадцати, одетую в весьма вызывающее платье, из которого едва не вываливались ее роскошные (несмотря на юный возраст) груди.

Берт проследил глазами направление воронцовского взгляда, а потом понимающе прищелкнул языком... в этот момент Сергей почувствовал, что на его плечо легла чья-то рука, и голос Юджина негромко и интригуяще вынес на рассмотрение Воронцова следующее:

– Я вижу, ты уже обратил внимание? В общем, так: эту соску могу предоставить тебе в качестве утешительного приза. Все-таки ты сегодня проиграл столько, что вполне хватит купить сотню таких, как эта кукла. Не на время, а в вечное пользование.

У Воронцова похолодело под ложечкой.

– Что, Женек... много я проиграл? – запинаясь, проговорил он. – Чего... м-молчишь?

Где-то неизмеримо далеко прозвучало:

– Да порядочно, Серега. Ты и Мыскин этот твой – на пару хорошо поиграли. Но ты не горюй, все это поправимо. Ничего страшного.

– А как же «ройял флэш»?

– Сделаем, говорю! А пока отдохни.

Если бы Воронцов был потрезвее, то он услышал бы в голосе Юджина преувеличенно бодрые – фальшивые – интонации... а так – он просто пьяно взмахнул головой и бросил:

– А двух телок... не подгонишь?

– Все сделаем, дорогой, – сказал Юджин, делая какие-то знаки бармену Берту. – Сделаем.

– А кто платить будет? – немедленно влез Мыскин и густо икнул.

Юджин растянул губы в неопределенную улыбку: дескать, чего тебе спрашивать, если дают?

* * *

– А номера-то здесь похуже, чем в московских... в-в-в... блядюшниках.

Эта невинная фраза Мыскина, выданная некоторое время спустя, была сказана вовсе не для того, чтобы констатировать факт наличия существенных недостатков номеров комплекса «Золотые ворота» на фоне аналогичных заведений столицы. Нет. Просто он подпустил очередную шпильку по адресу Юджина, которого терпеть не мог и всегда говорил Сергею, что, дескать, твой Женя Корнеев – лживая и продажная тварь.

Верно, назначение этой реплики почуял и масляно улыбающийся Юджин, потому что его крысиная угловатая мордочка с густо проклевывающейся черной щетиной на мгновение закаменела, а темные глаза бешено вспыхнули. Нервы, однако.

... В довольно большой и прилично обставленной комнате с жалюзи на окнах они увидели двух в меру вульгарного вида девиц, в одной из которых Сережа Воронцов признал ту самую, за стойкой. Как она только успела так быстро сюда попасть? Вторая же, облаченная в одни достаточно условные трусики, стояла спиной к входу перед огромным, от пола до потолка, зеркалом и рукой поправляла сильно растрепавшиеся пепельно-русые волосы, а дива из-за стойки бара сидела в низком кресле перед столиком, заставленным бутылками различной формы, объема и степени наполненности и пила из бокала мартини, который она только что плеснула из стоявшей прямо на полу бутылки.

Одета она была более прилично, нежели ее коллега – аж целая комбинация плюс целомудренно наброшенное на колени смятое короткое платье. То самое, в котором Сергей ее видел в зале.

На появление в комнате новых людей она отреагировала довольно странно: за один пригост выпила до отказа наполненный бокал мартини, а потом вдруг пропела несколько хриловатым и заплетающимся, но в целом довольно приятным и мелодичным голосом:

– пей пиво на заре-е, пей пиво перед сно-о-ом... пей пиво натошак, пей пив-в-во просто так... пей пиво... ешь мясо!

Алкогольный мегахит «Дискотеки „Авария“» привел Мыскина в телячий восторг: он подпрыгнул на самом пороге и хлопнул Юджина по плечу так, что subtilный служитель казино едва не согнулся в дугу.

Девушки, казалось, только заметили, что к ним кто-то пришел.

Стоявшая у зеркала повернула голову и неожиданно грубо спросила:

– И че за дела?

В этот момент открылась боковая дверь рядом с зеркалом – оказывается, комната была проходной – и появился невысокий человек с растрепанной темно-каштановой челкой, в расстегнутой на груди рубахой и в шлепанцах.

Как ни были пьяны Мыскин и Сережа Воронцов, они не могли не узнать этих характерных черт с нездоровыми коричневыми мешками, как у законченных наркоманов, страдающих невротами и бессонницей, под глазами. Этого помятого лица, этого длинного носа.

Тот самый человек, который несколько дней приходил в казино с амбалом и не играл, а только анемично просиживал за стойкой бара.

– Это к вам, девчонки, – сказал он чуть нараспев. – Вместо нас.

– Ага, – промурлыкала девица у зеркала и, легонько пошатываясь, прошла наискосок через всю комнату, не делая ни малейших скидок на свою более чем скудную экипировку, и спокойно уселась на колени несколько оторопевшего Алика Мыскина, который завалился в кресло, не отрывая взгляда от неожиданно появившегося мужчины с помятым лицом.

Юджин, ухмыляясь, стоял у двери и, откровенно рисуясь, оглаживал свою униформенную жилетку.

– Все это, конечно, замечательно, – наконец сказал Сережа Воронцов, несколько собравшись со своим растрепанными мыслями, – но чем обязаны, э-э-э... чем обязаны? Ведь мы... ик! м-м-м... пардон... даже, так сказать, не знакомы.

– Почему же не знакомы? – произнес тот, вдруг удивительно напомнив Сереже очковую змею. – Вы Александр Мыскин, не так ли? А это, – тусклый взгляд упал на Воронцова, и глубоко посаженные глаза очковой змеи еще больше сузились и коротко вспыхнули – вероятно, так же бледно и завораживающе кобра смотрит на птицу, подумал Сережа, – а это Воронцов, девичья фамилия – Нищин. Сергей... или, быть может, я ошибаюсь?

Сережа уже собрался с мыслями настолько, что начал довольно откровенно обследовать некоторые фрагменты тела девицы на коленях у Алика – особенно из числа тех прелестей, что прорисовывались у него перед глазами. При этом он еще и успел сколотить следующую фразу:

– Разумеется, вы не ошибаетесь. Если бы вы допускали возможность ошибки, вы подсунули бы нам не этих ша... т. е. милых дам, а каких-нибудь кривоногих будок со шпалопропиточного завода.

– Простите? – не понял тот.

– Да это я так... не обращайтесь внимания. Лирическое отступление.

– Хорошо, – отрывисто сказал тот. – Моя фамилия Романов. Ваш тезка. Сергей Борисович меня зовут. Я хотел бы поговорить с вами, Сережа.

– Хорошо, – сказал тот после некоторой паузы, – поговорим.

– Выпить не желаете?

...Никакое иное предложение не может найти в душах истинно русских людей более живого и непосредственного отклика.

Будь Воронцов и Алик Мыскин несколько трезвее, они непременно задались вопросом: а с какого такого перепугу гражданин Романов С. Б., похожий на помесь бабуина с очковой змеей, осыпает их такими благами, как-то халявная выпивка и возможность плотно пообщаться с уже заказанными и заплаченными девочками?

Ведь общеизвестно: дармовой сыр бывает только в мышеловке.

Любой немец на их месте, как бы ни был его организм пропитан шнапсом и отборным рейх-пивом, озвучил бы свое резонное сомнение касательно этого праздника жизни: вас ист дас? Дас ист фантастиш. Них ферштейн.

Любой американец задал бы утилитарный вопрос, который в свое время задавал Жоржу Милославскому и.о. царя Иван Васильевич Бунша: за чей счет этот банкет, товарищи?

Все эти здравые соображения возмутительно игнорируются русской башкой, вернее, содержимым ее черепной коробки. Возможно, именно из-за этой врожденного или благообременного умения наживать себе проблемы на ровном месте вследствие частой неспособности последовательно и рационально мыслить Россия и загнала себя на задворки цивилизации.

Но все это, как говорит Сережа Воронцов и Николай Васильевич Гоголь, лирическое отступление.

Действительность же состояла в том, что уже через несколько минут и Алик Иваныч, и Воронцов потеряли и без того безнадежно попорченную сегодняшним весельем способность хоть как-то соображать. Мыскин вплотную занялся двумя девочками сразу, а Сережа Воронцов совершенно неожиданно для себя оказался во второй комнате.

Тут он увидел того самого богатырской комплекции парня с лицом истощавшего Бэтмена без грима – торчащими, словно крылья летучей мыши, большими хрящеватыми ушами и острыми скулами. Он неподвижно сидел в кресле и равнодушно рассматривал пистолет-автомат «Борз». С тем же выражением, с каким прыщавый акселерат разглядывает картинки в журнале «Penthouse».

При появлении Сережи Воронцова и Романова он спрятал «ствол» в небольшой квадратный чемоданчик и раздвинул узкие губы в длинной резиновой улыбке.

– Присаживайтесь, – радушно сказал он.

Сережа машинально оглянулся на Сергея Борисовича: разве не он тут хозяин?

– Да вы присаживайтесь, – повторил вслед за здоровяком и питерский гость. – Чувствуйте себя как дома.

– У кого? – с ошеломленным выражением на лице пролепетал Воронцов.

Точно так же на вопрос: «Ты зачем усы сбрил, дурик?» – отвечал приснопамятный Семен Семеныч Горбунков. Точно так же – вплоть до мельчайших нюансов интонации и мимики.

Романов присел на край дивана, на котором развалился лопухий, и, опершись подбородком на руку, пристально посмотрел на рассеянно опустившегося в кресло Воронцова, нервно протирающего очки подолом одетой навывпуск рубашки.

– Вам никогда не говорили, что вы похожи на одну из «звезд» российской эстрады? – с места в карьер начал Сергей Борисович. – Даже легкая щербинка между передними зубами... в точности как у...

– Ым-м-м... на Аллу Пугачеву, что ли? – бестолково пробормотал Сережа.

– Шутить изволите, да? – мило улыбаясь, вставил лопухий.

– Дело в том, Сергей, – продолжал Романов, не обратив ни малейшего внимания на слова здоровяка, – что я хотел прийти с вами к небольшому и обоюдовыгодному соглашению. Я так думаю, вам не помешают лишние деньги? Вы ведь, насколько я знаю, даже сами до конца не понимаете, насколько они вам не мешают.

Воронцов качнул головой.

– А что... такое?

– В принципе, пустячное дело, – продолжал Романов, – на днях в ваш город приезжает Аскольд. Разумеется, вам знакомо это имя?

Воронцов качнул головой:

– Вообще-то я в совковой эстраде не очень...

– Ну как же, – с огорчением выговорил Романов, – хотя да, вы ведь недавно вернулись из армии. Имя Аскольда, одного из наиболее продвинутых молодых исполнителей откровенно

прозападного толка, выдвинувшегося не только на своем эпатажном трансвеститском имидже, но и на несомненно высоком уровне своих композиций и блестящем выполнении и аранжировке своих многочисленных клипов и мелодий, в самом деле, могло быть плохо знакомо только человеку, совсем недавно сыгравшему в «дембель». Сложно не знать человека, которого именуют российским аналогом Джорджа Майкла и в сопоставлениях с ним западных «звезд» оперируют именами Marilyn Manson и почему-то Робби Уильямса.

– Значит, вы представляете себе, о ком я говорю?

Воронцов сморщился и припомнил:

– А, ну да. Я его сегодня видел. По телевизору. Ну да... у нас же его афишами весь город утыкан, как гусь перьями, если все это, конечно, не розыгрыш.

– Розыгрыш? – усмехнулся Романов. – Да, у вас в городе в последний год любят так делать. То «ДДТ» прокатили, то «СерьГа». А самое замечательное – это, конечно, как вам посулили «Scorpions». И еще какой-то координационный совет по организации гастрольной деятельности, призванный следить за выплатой налогов со сборов, удумали. Веселый у вас город, господин Воронцов.

– Я даже собирался пойти на его концерт, – непонятно к чему растерянно сказал Воронцов, хотя, само собой разумеется, ни на какой концерт не собирался.

– А на какой концерт Аскольда в вашем городе вы собирались пойти? – спросил Романов. – Наверно, не на общий, вечером, а для избранных, ночной, в клубе?

Сергей неопределенно пожал плечами:

– Может быть... как получится... я вообще-то не очень всех этих...

– То есть вы не исключали той вероятности, что пойдете на концерт Аскольда. Ну вот примерно это я и хотел предложить вам. Все дело только в статусе, в котором вы пойдете на этот концерт.

Романов говорил так уверенно, как будто его договоренность с Сережей – дело решенное и требует лишь уточнений по ряду мелких и, по сути, несущественных моментов.

– Не понял, – проговорил тот. – Какой еще статус? О чем вы говорите, Сергей Борисович?

– Я не сказал вам, что я являюсь одним из администраторов Аскольда. Господин Фирсов, – Романов ткнул пальцем в лопухого, – представляет службу безопасности Аскольда. Мы заранее выехали в ваш город из Москвы, и вот зачем. Я уже сказал, что вы чрезвычайно похожи на Аскольда. Имеется ряд противопоказаний, по которым Аскольду нежелательно появляться на сцене ледового дворца «Триумф», где запланирован концерт, и особенно в ночной клуб «Белая ночь» лично. Концерты же отменить невозможно. Поэтому я, как представитель Аскольда, хотел бы, чтобы вы, Сергей – за соответствующее вознаграждение, разумеется, – изображали Аскольда в этих отдельно взятых концертах. Не более. Все остальное будет натуральным. Аппаратура, подтанцовка, охрана – все. Все настоящее. Только вместо Аскольда – вы.

– А что это... за ряд противопоказаний? – подозрительно спросил Сергей.

– Это не имеет значения.

– Заменять Аскольда?

– Да.

Сережа Воронцов медленно поднял голову.

– Так это же жульничество, – наконец сказал он, – обыкновенное мелкое жульничество.

– Вы не учли того момента, что за это мелкое жульничество я плачу крупную сумму денег, – немедленно отозвался Романов. – Подумайте. Лишних денег в России нет ни у кого. Даже у олигархов... Абрамовича, Потанина, Березовского. Вишневого.

– Подумайте, – повторил и лопухий.

– А какую сумму вы хотели бы предложить за это? – вкрадчиво проговорил Сережа, несколько трезвее.

Романов щелкнул суставами переплетенных пальцев, переглянулся со своим напарником – или кто он там был – и ответил:

– Скажем, тысячу долларов.

Сереза вспомнил о «ройял флэше» и о посулах Юджина касательно многих тысяч «зеленых», которые можно было сорвать в качестве куша. О странных словах Корнеева касательно «утешительного приза» и крупного проигрыша он не вспомнил. Почудилось, что ли. Мало ли ему чудилось сегодня... а все от этого чудного «Ариозо». Сереза засмеялся. Его ждал магический «ройял флеш» и груды денег.

– И за эти гроши вы предлагаете мне корчить шута на сцене... изображать какого-то там раскрашенного пидора? Да на хер надо! – грубовато сказал он.

– Вы не согласны? – с ноткой досадливого удивления, по всей видимости, большей частью наигранного, произнес С. Б. Романов.

– А как же вы думали? Что я кинусь к вам в объятия и расцелую от радости и сознания оказанной мне... великой чести? – насмешливо выговорил Сереза Воронцов.

– Ну... объятия и поцелуи – это, бесспорно, излишне, – сказал Романов. – Но вот все остальное не так уж и далеко от истины. Впрочем, можно согласиться, что тысяча долларов – не такие уж большие деньги, чтобы соглашаться ради них на такой авантюрный спектакль. Но в конце концов – где в наше время можно заработать мало-мальски приличную сумму без определенной доли риска? Как говорится, кто не рискует, тот не пьет шампанского... а в последнее время в связи с повышением цен на спиртное это утверждение особенно верно. Не так ли, Алекс?

Алексей Фирсов кивнул:

– Верно.

– Значит, за драную штуку баксов, – воодушевляясь, выговорил Сереза, – за штуку баксов я должен ломать ваньку? Изобразить... какого-то там... Арнольда... Гумбольдта... Герольда...

– Аскольда, – с трудом удержавшись от улыбки, поправил Романов. – И вы согласитесь тем более, что вы еще не все знаете...

Сергей покачал головой и, сжав руками виски, уставился в пол, силясь продрать сквозь заболоченные блаженной мутью извилины своего мозга хоть одну мало-мальски пригодную к обнаружению мысль.

– Это... чего же я не знаю?

– Одним словом, вы не согласны? – быстро спросил Фирсов. – Я все правильно понял?

– Совершенно... правильно. И телок ваших... тоже можете забрать, – выговорил Сереза Воронцов. – Нечего меня на кусок манды удить... я не карась какой-нибудь.

– Вот как? Ну, тогда мы поднимем вам гонорар и расстанемся до завтрашнего вечера. Вот моя визитная карточка. Там записан телефон гостиницы, где я остановился, – сказал Романов. – Вот, возьмите.

Сереза машинально взял этот кусочек картона, но потом хотел выкинуть в угол. Его остановил властным жестом Фирсов. Он поднял руку и поспешно проговорил:

– Совершенно напрасно это делаете. Вы просто еще не знаете, что сами придете к нам с предложением поработать. И мы охотно согласимся.

– Вы что... мне угрожаете? – выговорил Сергей, вставая и тут же едва не падая обратно: за время этого разговора его ноги совершенно потеряли остатки совести и теперь наотрез отказывались носить своего перебравшего с алкоголем хозяина.

– Н-не советую этого делать...

Разумеется, он никогда не позволил бы себе этой дешевой «бычки», будь он трезв. Но, как уже неоднократно подчеркивалось, в эту ночь Сереза Воронцов сподобился остаться таковым.

А, как покажет не столь уж отдаленное будущее, это было одним из самых крупных промахов в последний период его жизни.

– Я тоже себе не посоветую вступать с вами в прямой конфликт, – сказал Фирсов доброжелательно и спокойно. – Вы можете идти к вашему другу, Сергей Григорьевич. Вероятно, он уже присвоил себе обеих дам.

– Да пошел ты со своими шалашовками! – зарычал Сергей, краем сознания чувствуя, что просто смешон на фоне ледяного и подчеркнуто доброжелательного спокойствия Фирсова и сухой деловитости «очковой змеи» Романова. – Ты, блин...

На этом он счел, что монолог можно заканчивать, и буквально вывалился из комнаты, с грохотом захлопнув за собой дверь.

– Алик! – рявкнул он. – Валим отсюда на фиг... Али... ну, Мыскин, едри твою мать!!

* * *

Фирсов оказался оказался совершенно прав: в комнате, где остались Мыскин и две дамы не самого тяжеловесного поведения, царил совершеннейший разврат.

Алик, несмотря на злоупотребления алкоголем и секс-эксцессы со Светой еще у себя дома, не утратил лучших боевых качеств настоящего мужчины, так что в данный момент его бойцовый орган наглядно демонстрировал совершенную дееспособность.

Хотя импотенция в двадцать один год – нередкость для нашего времени.

...Прямо на полу в рассеянном свете ночника переплелись два обнаженных тела, то срывающихся в рваных конвульсивных движениях, то выгибаясь пружинисто и плавно. Охреневший Воронцов сначала подумал, что это Алик и одна из девушек, но потом понял что несколько ошибался.

На полу находились два женских тела.

Разумеется, это были те самые «дамы полусвета», что были отданы Романовым и Юджином (верно, с ведома руководства «Золотых ворот») на откуп ненасытной дембельской фантазии Сергея и Алика.

Одна такая дама лежала на спине, запрокинув назад голову, и с ее полуоткрытых губ периодически срывалось какое-то полное почти страдальческое нежное бульканье, по интонациям которого знаток без труда бы определил, что девушка плавает на пике наслаждения.

Вторая скользила всем телом вдоль тела подружки, то привставая на четвереньки, то припадая лицом в страстно колеблющийся полумрак в скрещении ног первой.

Балдеющий Мыскин же полулежал в кресле, широко разбросав руки и ноги и откинув голову с полуприкрытыми, влажно поблескивающими глазами. Вероятно, он уже поучаствовал в первом акте этой глубоко натуралистичной и красивой драмы и теперь плавал в слепом полурасслабленном покое, который дает еще здоровое (несмотря на многочисленные излишества и злоупотребления) и вполне еще молодое тело, убаженное сексом и алкоголем.

В тот момент, когда Сережа на секунду застыл на пороге, разглядывая эту великолепную мизансцену, девушка, которая была наверху, одним плавным, легким движением оказалась возле кресла – у самых ног Александра.

Скользнула губами и языком по его коленям, поднимаясь все выше, ее руки обхватили его бедра и сжали... Мыскин вздрогнул и запрокинул голову еще выше, а потом издал короткий сдавленный стон и резким движением бросил свои руки на спину девушки...

Воронцов хотел сказать что-то бранное, вроде того, что пора отсюда убираться – но просто не смог. Мозг мгновенно парализовало горячими волнами, вспыхнувшими и разлетевшимися от низа живота, как цунами разбегаются от эпицентра подземного землетрясения. Вспомнились и «ройял флэш», и нелепое предложение Романова, и почему-то вчерашний автовож в парк...

В этот момент заглянул Романов.

– А, минет – лучше для мужчины нет? – одобрительно сказал он. – Перекуем мечи на орала? А вы, Сергей Григорич, что встали, как... памятник Николаю Гавриловичу Чернышевскому, который еще пособие по импотенции написал – "Что делать?" называется. Девчонки-то каковы? Как говорится, любовь зла, а козлы этим пользуются.

Выпустив эти хлесткие перлы сомнительного остроумия, он тут же ретировался, по всей вероятности, до крайности довольный собой.

Вспыхнувший Воронцов хотел было сказать, но тут на внутреннюю сторону его бедра легла нежная женская ладонь, скользнула вверх... и Сережа, прохрипев что-то похотливое, опустился на ковер, на котором лежала девушка из-за стойки бара... и, коротко выругавшись, вдруг вцепился в ее полураспушенные, как только что купленная роза, губы колючим и страстным, почти злобным поцелуем.

И потерял ориентацию.

...Нет, конечно, он потерял не сексуальную ориентацию, потому что под ним содрогалось и извивалось женское тело – просто в мозг ударили клокочущие волны наслаждения, и он потерял ориентацию в пространстве и времени...

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ. ЗАПЛАТИТЬ ПО СЧЕТУ

* * *

...и обрел его от того, что почувствовал ледящий холод и крупный озноб во всем теле. Волны этого озноба перекатывались по рукам и ногам, комкая их судорогой, кромсали тело, в котором ярилась и танцевала, как дикарь на поминках своего свирепого вождя, тупая насадная боль.

Сереза поднял голову и увидел, что он лежит на бетонном полу, лицом вниз, и что у его рта собралась небольшая лужица, при ближайшем рассмотрении оказавшаяся кровью. Сергей с трудом приподнялся и увидел, что его новый летний пиджак превратился буквально в клочья, а у джинсов одна из штанин залита кровью, а вторая порвана. Здорово его отделали. И – главное – ведь он ничего не помнит.

Сереза Воронцов негромко застонал, потому что почувствовал в голове такую боль, словно ее пронзили вязальной иглой из виска в висок, а потом с садистским наслаждением провернули, как проворачивают над костром вертел с насаженной на него дичью. В этот момент сбоку раздался какой-то неясный шум, потом сдавленное пыхтение и бормотание. Сергей посмотрел туда и увидел, что с земли поднимается Мыскин. Этот тоже был, как говорится, в лучшем виде – грязный, окровавленный, с разорванной рубашкой и с небритыми щеками (а раньше Воронцов ничего такого не замечал!), щетина на которых была перемазана густейшей пылью.

Люмпен-пролетариат какой-то просто. Под стать воронцовскому папаше, Гришке-сантехнику, Нищину отродью.

– Что... та-ко-е? – пробормотал Алик. – Ниччо... не понимаю...

Воронцов поднял голову и тут же понял, что ни в какой они не в комнате, а просто на бетонной дорожке где-то на улице. Над его головой шумела развесистая крона огромного, еще не покрывшегося листвой дерева, и сквозь прогалы в ее массиве виднелось ясное звездное предутреннее небо. Сергей поднялся с земли и, пошатываясь, помог перейти в вертикальное положение и Мыскину.

– В-в-в... холодно, – пролепетал Алик, содрогаясь всем своим длинющим телом. – Днем такая жарница, а ночью холод, а? Наверно, потому что на бетоне лежали. Как думаешь, Сереза?

– Может... и так...

– Выпить бы... пару «стольничков» водочки.

– Допились уж... алкаши чертовы, – грустно сказал Сереза Воронцов. – Интересно, кто нас сюда так любезно перенес?

– Надо думать... эти козлы из охраны казино... говорил же я тебе, Сереза, что все эти игор... игорные дома – говно...

– Это твое бухло – говно.

Мыскин скептически хмыкнул:

– А сам тогда что так забатонился, что ничего не помнишь?

– А я водки не пил... только по «Ариозо» немного загнался. А потом, кажется, еще кальвадос, текилу... ну и так все такое, – жалко откликнулся Воронцов, а потом, поняв несостоятельность своей аргументации, замолчал. Пошарил по карманам и, обнаружив там только пуговицу, тридцать копеек и клочки от разорванной вчетверо «десятки», пробормотал:

– Та-ак... кто-то нас очень хорошо обработал. У тебя нет денег, Алик?

– Н-нет, – откликнулся тот, трепля вывернутые карманы.

– Что-то... н-ничего не осталось... странно. А... ну да... у меня же их и не было. Блин-а-а-а!!

– Что такое?

– Ключи от дома потерял!

– Как потерял?

– Да так, нет их! Были и нет. Как же я теперь домой попаду, родичи только через четыре дня приедут!!

– Пить надо меньше, – горько сказал Сережа. – Только сдается мне, что не только в алкоголе тут дело. Ладно... поехали ко мне домой... дебошир.

– А как? Денег-то нет.

– Какая разница? Щас тормознем тачку, доедем до дома, я сбегая наверх и вынесу лавэ, сколько затребует. У меня дома еще осталась, кажется, заначка.

– А может – просто прислать ему в торец, и все, – озлобленно предложил Мыскин, – выкинуть из тачки и самим нормально доехать. А?

Сергей покачал головой, и по ней незамедлительно поплыл колокольный звон тупой одуряющей боли:

– Ты рассуждаешь, как пятнадцатилетний отморозок. Этакий гопяра, как Витька Шарман из первого подъезда, который сейчас тянет «пятнашку». Не надо никому в торец. Мы и так сегодня, чувствуется, хорошо подебоширили. Не надо еще кому-то чистить бубен только по той причине, что у тебя плохое настроение.

– Пацифист, ежкин крендель, – злобно сказал Алик Мыскин и, сев под дерево на корточки, принялся старательно блевать.

Мыскин остался ждать в такси под неприязненными взглядами водителя, которому мало того, что загадили грязью обивку кресел, так еще и с деньгами динамили, – а Сережа начал подниматься по лестнице, чтобы взять эти самые деньги и заплатить за проезд. Но когда он вставил ключ в замочную скважину и открыл дверь, из прихожей брызнул яркий свет.

– Что за черт? – пробормотал Сергей. – Неужели я при уходе забыл выключить све... а, ну да, последним уходил Алик... я, конечно, еще не дошел до того, чтобы экономить на электричестве, но... тем не менее...

И он вошел в квартиру и, не разуваясь, пошел в комнаты... в которых тоже горел свет.

А навстречу Сергею уверенной, вразвалочку, походкой, вышел Юджин.

* * *

При виде своего бывшего одноклассника, так ловко зазвавшего его в «Золотые ворота» Сережа изумленно поднял брови, и на лбу его образовались горизонтальные складки, которые немедленно трансформировались в вертикальные: Воронцов нахмурился.

– Что ты делаешь в в моей квартире?

– В твоей? – с гаденькой вежливой улыбочкой весело проговорил Юджин. – Ты, наверно, что-то запямятовал... ведь тут просто какое-то недоразумение?

– Совершенно верно, недоразумение, – сказал Сергей. – И я надеюсь, что мы изживем это недоразумение как можно скорее. А засим – убирайся из моей квартиры, драгоценный господин Корнеев.

При последних словах Воронцова из комнат вышли четверо здоровенных парней мрачного вида. По крайней мере, двое из этих неожиданных гостей были вооружены.

Сережа даже не почувствовал страха, настолько он был поражен. Он сжал зубы.

– А это что за почетный караул? И где дедушка? – сумрачно сказал Сережа Воронцов – спокойно и почти безмятежно, хотя позвоночник прошила ледяная искра тревоги и нехорошего, щемящего предчувствия.

... Неужели у этого Юджина в самом деле есть законные основания здесь находиться?

– Караул не караул, Сережа, но эти парни здесь на случай, если ты и твой дружок будут вести себя плохо.

– Не понимаю...

– А что тут понимать? – выговорил Корнеев, поганенько улыбаясь, и Сережа почему-то тут же припомнил, что точно такая же отвратительная ухмылочка поигрывала на физиономии Юджина в тот знаменательный день, когда он купил себе в бутике трусы за сорок долларов. – Тут и понимать нечего. Просто у тебя немного не сложилось с игрой. Верно, зря я порекомендовал тебе коктейль «Ариозо». Я забыл тебе сказать, что он содержит небольшой процент психостимуляторов, взвинчивающих, так сказать, нервную систему. – Юджин говорил неторопливо, с отвратительной расстановочкой, поигрывая дорожкой зажигалкой, которую, помнится, привез ему отец откуда-то из Парижей или Брюсселей. – Есть у этого коктейльчика два примечательных свойства: ты ничего не воспринимаешь всерьез и даже самое серьезное недоразумение – из разряда тех, что произошло вчера с тобой – воспринимаешь как забавную шуточку или просто несерьезную игру. А игра-то у тебя вчера была серьезная, Сережа. Ты прямо как с цепи сорвался, а вот «ройял флэш» так и не пришел к тебе. Не обессудь. «Ройял флэш» вообще редчайший набор карт и на моей памяти был только дважды.

– Ты мне эту лекцию по теории вероятности брось, – пробормотал Сережа. – В чем дело-то? Я вчера, значит, проиграл? Крупно проиграл?

– Вот это верно, – сказал Юджин. – Крупно. Почти десять штук баксов ты вчера проиграл. Воронцов попятился и уперся спиной в стену.

– Неужели... десять тысяч? Да ты что... ты в своем уме, Юджин?!

– Я-то в своем, – сквозь зубы произнес Юджин, и маска напускного добродушия слетела с него, как одуванчиковый пух улетучивается под резким порывом ветра, – а вот ты, по всей видимости, не в своем. По крайней мере, был вчера. И все бы кончилось не так плохо, если бы не этот пьяный дурак Мыскин. Ну, да он со школы страдал умственным недержанием. Одним словом, вчера с Аликом вы сделали доброе дело: обеспечили жилплощадью кого-то из тех, кто нуждается в ней больше, чем вы. Проще говоря, Сережа... ты проиграл дедову квартиру. Вот эту самую квартиру, в которой мы сейчас находимся. И ты еще спрашиваешь, с чего, собственно, мы тут находимся?

Сережа Воронцов широко раскрыл глаза и недоверчиво глянул прямо в лицо Юджину: спокойное, наглое, холодное, оно выражало подавляющую любое противодействие уверенность в своей правоте.

– Как ты сюда попал? – глухо спросил он.

– Проще простого. Ты сам дал мне ключи. При этом смеялся, пил коктейль и извинялся за то, что у тебя тут бардак, что дед время от времени ходит под себя и что до сих пор не сняли с антресолей сапоги дворника Малинкина-Мефтахудына, которые пол-Сибири, верно, протоптали. Сапоги в самом деле еще те. У Вани аж татуировка на затылке помутнела от духана, – кивнул он в сторону питбулевидного хлопца с одеревенелым личиком воспитанника исправительно-трудовой колонии имени Конг-Конга.

– Сколько же я проиграл точно? – выдавил Сережа.

– А это я тебе сейчас скажу. Семь тысяч пятьсот пятьдесят долларов. Точность, как в банке.

– Семь ты... но ты же говорил – десять! Семь и десять тысяч – это же не одно и то же!!

– Ну вот, – разочарованно выговорил Женя, – ты уже и начинаешь торговаться. Ну какие могут быть счеты между старыми друзьями? Ты понимаешь, Серега, у этих вот ребят в детстве было плохо с арифметикой. Макс вот до сих пор из математики знает только счет до двадцати и номер 326. Просто его в колонии именно под таким номером содержали. Так, Макс? Верно я говорю?

– Э... блина, – отозвался тот. По всей видимости, этот лексически богатый ответ обозначал утверждение.

До этого момента Сережа Воронцов думал, что такие реликты эпохи первоначального накопления капитала, такие гоблинарии-ортодоксы, как данный индивидуум Макс, давно уже вымерли или мутировали в более-менее цивилизую бизнес-прослойку теневой экономики. Оказалось, что он обидно заблуждался.

Корнеев явно чувствовал замешательство Сережи. Более того, он прекрасно понял, что Воронцов раздавлен и ошеломлен, потому тоном гостеприимного хозяина, зазывающего гостя на рюмочку чая, произнес:

– Ладно, Сережа, – сказал Юджин, – поговорили, и будет. Давай, нечего торчать в дверях. Проходи, присаживайся. Только не шуми, а то у тебя дедушка спит. Он, кажется, вчера тоже употреблял внутрь горячительное. Разит от него, как из канализации. Наверно, закусывал перегнившими картофельными очистками. Сегодня подпишем всю документацию и оформим твою замечательную хату как надо: в собственность казино. Если не веришь, могу показать твои же расписки, и все такое. Все как надо.

– Так только моя подпись будет недействительной, – сказал Сережа. – Квартира у нас на двоих приватизирована... на меня и на деда.

– И дед подпишет.

– Плохо ты моего деда знаешь...

Юджин иронически хмыкнул, приглашая своих амбалов к веселью: дескать, как не подпишет, куда он денется? Тоже мне, нашелся герой-панфиловец на пенсии! Сережа Воронцов же вытер губы ребром ладони и произнес:

– Значит, я проиграл квартиру? Значит... но ведь она стоит гораздо больше, чем твои семь с половиной штук, которые ты мне тут предъявил.

Юджин даже подпрыгнул от усердия, на мгновение забыв всю свою великосветскую величавость, и воскликнул:

– Вот именно, вот именно! Ты, между прочим, когда закладную подписывал и веселился при этом, как будто я не я, а просто Петросян со Жванецким какой-то... так вот, ты вообще хотел заложить ее за пять штук. А я настоял на том, чтобы ты оформил сумму в семь тысяч. Хотя квартира, положим, действительно стоит больше.

– Я так думаю, около пятнадцати, – на автопилоте пробормотал Сережа, прихватываясь немеющей рукой за стену.

– Вот-вот. Что-то около того. Мне вроде так риэлтор и говорил.

Сережа, сжав кулаки, подавил в себе дикий всхлип животного бешенства.

– Сука ты, – с неожиданной для самого себя спокойной холодностью выговорил он, – сука и гнида. Развел, как педального лоха. Тебе что, больше некого было на хату обуть? А эти уроды... Романов и второй, лопухий?... Ты что, с ними в доле, да, Корнеев? А не боишься, что в соответствии с твоей замечательной фамилией тебе ножки пообкорнают? Не боишься, нет? Нет?!

Ваня из ИТУ имени Кинг-Конга синхронно клацнул зубами и снял пистолет с предохранителя. Макс, владеющий счетом до двадцати и внеочередным номером 326, шагнул вперед. Юджин открыл было рот, чтобы отвечать, но в этот момент дверь распахнулась и ввалился Алик Мыскин, оборачивающийся на каждом шагу – и заорал:

– Серый... ты где? Там этот водила кипешует насчет бабеуса... говорит, мне план накручивать надо... сука! Он за мной по лестнице... э-э-э, Юджин? Ты чего тут... это самое... тусуешься? А это еще что за выставка приматов?

Алик окинул недоуменным взглядом неподвижных амбалов, настороженного Юджина и повернулся к Сереже Воронцову:

– Это... что такое?

– Ничего, – ответил тот. – Ничего смертельного, Алик. Просто сегодня ночью мы с тобой проиграли вот эту квартирку. Дедушка Воронцов, как проснется и опохмелится, кажется, будет немножко сердит.

– В натуре-е-е? – широко распахнул рот Алик. – Тыва-аю мать!! Ну... черрт! Серега, ну-ка быстро говори, что это ты так неудачно пошутил! Вот... твою мать!

Кажется, иных языковых средств для выражения обуревающей его экспрессии Алик не находил. При сакраментальном словосочетании «твою мать» многострадальная дверь снова распахнулась и решительной походкой вошел водитель.

– Гы, – сказал Сережа Воронцов, оглядываясь на таксиста, – кажется, дяденька хочет денег. Злой дяденька, да? Ой... только рубашку в счет долгов не описывайте, пожалста-а-а!

Злой дяденька таксист, кажется, в самом деле был склонен в точности последовать пессимистичному прогнозу Сережи. Однако, увидев столько сосредоточенных граждан далеко не самой пацифистской внешности, вздрогнул всем телом и быстро проговорил:

– Э... ребята, я, кажется, не туда попал... я пошел, да?

– погоди, – остановил его Сережа Воронцов, – Юджин, вот что... деньги у тебя есть?

– У меня? А ты что, еще призанять хочешь? – насмешливо спросил тот. – Ну... сотню дам... на хлеб. «Деревянными», конечно, а не «зеленью».

– А мне больше сотни и не надо, – сказал Сережа. – Дай этому мужику «стольник», и пусть он идет... нечего ему глядеть на твоих горилл-счетоводов. Давай сюда! – проговорил он, протягивая руку. – Давай, Юджин, сочтемся! На том свете угольками, – иронично повысил он голос. – Дяденька... подайте сто рублей бездомному дегенерату!

Юджин покачал головой: ему невольно внушила уважение эта издевательская, но тем не менее полная чувства собственного достоинства манера Сережи Воронцова держать себя. Рука крупье скользнула в карман и выудила оттуда сторублевую купюру.

– На.

– Благодарствую, барин, – ответил Сережа, перехватывая руку Юджина, и в то же мгновение крупье взвыл от дикой боли, потому как сильные постдедебельские пальцы Сергея впились ему в запястье, словно губки тисков – хрустнули кости, и Юджин, раскрученный вокруг собственной оси, с изрядно попорченной рукой полетел в приведенных с собой амбалов. Это вышло столь ловко, удачно и, в принципе, неожиданно, что двое из них были тут же сбиты с ног, а двое других бросились к Воронцову, на ходу выхватывая свое оружие.

Шофер такси охнул и, выскочив из прихожей, бросился сломя голову вниз по лестнице, позабыв о причитающихся ему ста рублях.

Алик Мыскин, увидев, что дело не так уж плохо, с криком, какой испускают дикари племени маори в сезон охоты на вкусных откормленных белых людей, бросился на вышибал, наповал дыша перегаром, и встретил набегающего на него громилу таким увесистым апперкотом – неожиданно сильным для такой сухощавой комплекции, какая была у него, – что тот по незамысловатой траектории отлетел в угол и с хрустом впечатался башкой в стену.

Второй выхватил было пистолет и вскинул его на Сережу, но тут Женя Корнеев, корчащийся на полу от боли, буквально взвыл:

– Не стрелять... не стрелять, идиоты!!!

Впрочем, даже если бы он не крикнул, все равно его предупреждение не сыграло бы никакой роли: разлапистым ударом правой ноги Сережа Воронцов выбил оружие из рук «золоторотского» вышибалы. И, судя по воплю последнего, сломал ему при этом по меньшей мере два пальца.

Мыскин сосредоточенно лягал упавшего на пол амбала. Впрочем, подобный пир духа не мог продолжаться долго: уж слишком велик был численный перевес представителей «Златовратской» гвардии. Двое уцелевших от воронцовско-мыскинского квартирного произвола, оказались расторопнее. То ли тут сыграла свою роль раскоординированность Сережи и Алика

после бурной ночи (какой обтекаемый и пристойный термин, правда?), то ли в самом деле оппоненты оказались не по зубам, да только Сережа Воронцов собирался перекинуться на другого амбала, этот другой сам наскочил на него и напрямую ударил рукоятью пистолета в основание черепа. Да так, что по всей голове пошел звон, пол рвануло куда-то вверх, к потолку, и все смешалось в гудящем багрово-красном вареве...

Несколько напутственных ударов ногами под ребра прошли для Сережи в каком-то словно задернутом занавесом отдалении.

Как будто не его били, а так... кого-то в стороне, всплески боли этого кого-то изредка попадали на Сергея, как брызги с шерсти отряхивающейся собаки.

...Как оказалось спустя некоторое – вероятно, чрезвычайно небольшое – время, по истечении которого Воронцов пришел в себя и приоткрыл глаза... как оказалось, в стороне на самом деле били. Да – били. Но не кого-то, а Алика Мыскина, который лежал, скорчившись от боли, а его длинное сухощавое жилистое тело охаживали ногами сразу трое громил. Причем один из них, тот, которому Сережа так удачно сломал пальцы, громко стонал и матерился, а четвертый, тот, к которому приложился Мыскин, и вовсе лежал ничком в углу и не шевелился.

Чуть в стороне на диване полулежал Юджин. Его пепельно-бледное лицо было искажено гримасой боли, рука была неестественно вывернута и безжизненно покоилась на коленях крупье.

– Хватит его метелить... – наконец выговорил он. – Еще убьете... идиоты.

Но гоблинарии, вошедшие в раж, не унимались и не слышали Корнеева. Мыскин уже даже не охал, и один из принимавших в его судьбе столь живое участие ублюдков – кажется, это был Макс номер 326 – подскочил к Сереже и сунул носок своей туфли в бок Воронцова. Раздирающая боль распустилась в теле, словно проснулся и зашевелил острыми бритвенными лапками огромный паук.

Сумма квадратов катетов равна квадрату гипотенузы, отчего-то мелькнуло в голове Сережи. Ну что... влипли по полной программе. Воронцов полубессознательно изогнулся, пытаясь уйти от удара... и тут – непонятно откуда – вдруг раздался грохот, какой-то скрежещущий визг... и на голову Воронцова обрушился целый водопад. Он встрепенулся и распахнул глаза.

И его взгляд уткнулся в бьющуюся на полу маленькую аквариумную рыбку. В следующую секунду на тельце рыбки грохнулся триста двадцать шестой Макс...

ГЛАВА ПЯТАЯ. АРТИСТИЧЕСКИЕ СПОСОБНОСТИ СЕРЕЖИ ВОРОНЦОВА – НИЩИНА

* * *

– Эт-та что тут такое? Сережка, ты шовшем, что ли? Мы вчера с Митрофанычем так дербалызнули, что прошпаться, фтоб мне сгореть!.. А ты фумишь. Да ишшо всяческого броду понатаффил!! Нет, ты фстань, кад-ды с тобой дед говорит!!

В дверях дальней комнаты, трясая головой, стоял дедушка Воронцов. Его плешивая голова негодуяще тряслась, тощие кривые ноги, обвитые синими венами и по цвету кожи напоминавшие ножки от злодейски умерщвленной курицы-пензионерки, подрагивали. Непомерные трусы-семейки, в которые влезло бы три такие тощие задницы, как у дедушки Воронцова, сползли почти до колен.

Сережа даже не удивился. Крутой нрав деда был хорошо известен и ему самому, и всему двору. Так, на днях дедушка Воронцов запустил мусорным ведром с балкона в пенсионерку Сидорову, торгующую самогоном и в связи с этим фактом биографии топтавшую палисадник под окном старика. Сережа не удивился и не обрадовался. Он только поднял голову с пола и с усилием выговорил:

– Ты челюсть вставь, дедушка... ничего не понятно.

Дедушка не отличался обилием зубов, но слышал для своего возраста хорошо:

– Фто? Фто ты там бормочешь? Непонятно тебе? А вот мне все понятно! А ну, геть отседова... шантррррапа!!

Последний возглас был определенно обращен к Юджину со товарищи. И, кажется, произвел на них впечатление. Здоровяк со сломанными пальцами тупо выпучил на явление дедушки Воронцова народу свои мутные воловьи глазки, а единственный уцелевший, Ваня с лицом воспитанника исправительно-трудового пенитенциарного учреждения, ткнул пистолетом в направлении грозного пенсионера и выговорил:

– Ну ты, блин, пердун...

Больше он ничего выговорить не успел, потому что дедушка Воронцов швырнул в него своим ночным горшком. Надо заметить, что дедушка был стар и справление естественных нужд по ночам для него было делом утомительным. Поэтому он всегда оставлял у дверей комнаты ночную вазу с ручкой. Мытьем же туалетной принадлежности дедушка себя не утруждал.

Горшок с убийственным содержимым поразил цель – Ивана – так же точно, как аквариум с рыбкой, который дедушка сорвал со стены и метнул в Макса, произвел с последним крайне болезненную черепдробительную операцию. Ваня вскинул руки, но горшок разминулся с блоком из двух составленных вместе ладоней и угодил в живот. Ваня густо икнул и перегнулся вперед; горшок разбился, многострадальный амбал едва ли не ткнулся носом в открывшееся широкой аудитории содержимое ночной вазы – и тут его, сами понимаете, скрутило.

Дедушка хладнокровно вставил в рот челюсть.

– Безобразие! – уже четко выговорил он. – Ты, Сергей, совсем распоясался. Думал, что ты после армии поумнеешь, ан нет. Надо тебя отправить на перевоспитание к родителям. Да... наверно, я так и сделаю. – Дедушка втянул воздух ноздрями и ажно заколдобился, как говорится у Ильфа и Петрова. – Кто это тут так?... Вонь-то, не продохнешь!

– Ты ж сам, дед, горшок со своими причиндала и расквасил, – окоченело выговорил Юджин, уронив голову на плечо. Кажется, от миазмов, заграбаставших пространство комнаты в свои удушливые лапы, ему стало дурновато.

– Ах, ну да! – сказал дедушка Воронцов. – О чем я, стало быть? А, ну да. – Заспанное мутное лицо его, подернутое сетью морщин, словно накинута частый невод, сморщилось. – Правильно. Ладно... пошел я отсюда досыпать. А если проснусь, Сережка, и увижу всю эту кодлу... я вам такое!.. такое... такое...

Дедушка зевнул, как старый гиппопотам, и провалился в темную клоаку своей спальни.

Юджин поднялся с дивана и, заткнув нос пальцами неповрежденной руки, выговорил:

– Пойдем, мужики-и... я, чувствуется, долго после этого...

– А как же документы оформлять? – не в силах отказать себе в сарказме, отчаянно спросил Сережа. – Или дашь мне время раздобыть деньги на долг... а, Юджин?

Юджин, не оглядываясь и ничего не отвечая, прошел в прихожую. За ним двинулась скорбная процессия, которая еще недавно представляла собой мини-орду из четырех боеспособных бритоголовых единиц. У стены поднимался с пола Алик.

Юджин заглянул в комнату через минуту. Истекшая эта минуты была наполнена глухой матерщиной, жалобами, шорохом и упругим пульсом безжалостно истязаемой тишины в барабанных перепонках. Юджин придерживался рукой за косяк.

– Найдете деньги... позвоните в казино, – с трудом выговорил он. – Сроку вам неделя.

Видно было, что он с трудом удерживает себя от крика боли и злобы. Но, значит, силен тот фактор, что не позволял ему дать своим гориллам отмашку довести Сережу Воронцова и Алика до состояния потенциальной клиентуры реанимации.

А то и морга. За визитерами из «Золотых ворот» хлопнула дверь. Алик взглянул на часы и сказал:

– Двенадцать часов дня. А я спать хочу жутко.

Воронцов втянул воздух ноздрями, страдальчески сморщился и выговорил:

– Я тоже. Но тут я спать не буду. Я лучше в газовой камере перекантуюсь. Устроил дедушка биологическую атаку.

– Да если бы не он...

– Ладно, – перебил Алика Сережа, – я знаю один хороший скверик... помнишь, мы еще там ночевали... нажрались, когда нас исключили, помнишь, нет?

– А то, – мрачно отозвался Алик.

* * *

Первым на жесткой лавочке пробудился Сережа Воронцов. Его пробудило чувство острого, вьедливого, буравящего голода и гулкое, глухое пульсирование в ушах, словно приложил ухо к морской раковине.

На соседней лавочке похрапывал Мыскин, и, увидев его перемазанные в пыли туфли и подошву с налипшим на нее камнем, вспомнил, во что же вляпался он сам. Сережа положил голову на жесткие доски и задремал. Проснулся же он, когда Мыскин уже сидел рядом и качался туда-сюда, как старый еврей на субботней молитве. Сергей слабо шевельнулся и выговорил:

– Тебе известно, Алик, как расшифровывается аббревиатура Б.О.М.Ж.?

– А это что... аббревиатура?

– Ну да, аббревиатура. Означает: Без Определенного Места Жительства. Как вот мы с тобой после этой батальной сцены в квартире. Ты-то еще ничего, просто ключ потерял. От квартиры, где деньги, кстати, уже не лежат. А вот со мной дело куда покислее.

– И зачем ты вообще полез в драку с этими отморозженными ублюдками? – спросил Алик. – Нажили просто лишнюю головную боль. А этот Корнеев у меня всегда с гнидой ассоциировался. Такой... волосатой.

– Гниды, Саша – это яйца вшей. Они не волосатые.

– А что, у вшей есть яйца? – осведомился любознательный Мыскин. – Прямо как у... нас. Сережа качнул головой и, не вдаваясь в инсектологические тонкости, отозвался:

– Тебя не поймешь, Мыскин. То ты предлагаешь вскрыть грызло ни в чем не повинному водителю, а теперь спрашиваешь, почему я сцепился с этими скотами, которые подстроили мне кидалово в казино, а теперь нагло завалили в квартиру и ставят мне условия. Условия! И этот сука Корнеев... ну как же так я подсел на его ля-ля!! Обидно...

– Да уж, – в стиле Кисы Воробьянинова протянул Алик.

– И знаешь, что мне показалось?

– Когда кажется, креститься надо... И что же?

– А то, – Сережа Воронцов настороженно посмотрел на Мыскина, – еще... я сразу понял, что Юджину сказали обращаться с нами... по крайней мере, со мной, максимально вежливо и к решительным мерам прибегать лишь в случае каких-то осложнений.

– Ну и?...

– Ну и я решил создать эти осложнения. И в конечном итоге оказался прав.

– Прав?

– Конечно. Сам посуди: я отделался синяками, ты – несколькими кровоподтеками... непрофессионально они тебя били, надо сказать.

Алик втянул воздух ноздрями, в которых запеклась кровь, и буркнул:

– Да... у нас-то получше учили. Когда мы с тобой в Чечне... полковник Котляров...

– Хорош! – прервал его Сережа. – Им и так дедушка такое устроил, никаким Котляровым и не снилось. У них всем крупно досталось: один амбал попадет в больницу с черепно-мозговой... это к которому дедушка аквариумом приложился, потом еще одному я кисть сломал, а Юджина тоже вывел из строя... наверно, придется месяцок в гипсе походить. Так что мы в очевидном и большом барыше, – с горькой иронией подытожил Воронцов.

Кривая усмешка разрубила худое красное (недавно обгорел на пляже) лицо Алика Мыскина надвое:

– Это если не считать проигранной квартиры.

Сергей кивнул, отчего едва не свалился с лавки:

– Вот и я об этом... э-э-э, черрт!! Но, сдастся мне, Юджин тут только пешка в чьей-то большой игре, – продолжил он, сохранив равновесие. – И у меня даже есть версия, в чьей именно.

– Да? – равнодушно сказал Алик Иваныч и сплюнул на асфальт. – Версия? Пешки в игре? Перегрелся ты, Серега. Или из-за хату тебе в голову вступило. Н-да... Ну и в чьей же игре Юджин пешка?

– Да ты, конечно, не помнишь. Те два уважаемых господина, представителя этого... Аскольда. Доморощенного Мэрилина Мэнсона.

Алик удивленно воззрился на Сережу:

– Ч-чевво?

– Ну конечно... не помнишь. А следовало бы. В общем, у нас есть только один вариант скорейшего выпадания из этой откровенно матовой ситуации.

– Какой ситуации? Матерной?

Воронцов досадливо махнул рукой. Сделал он это так неудачно, что не удержался и скатился с лавки. Факт приземления всколыхнул болезненные ощущения, и Сережа надтреснуто, с киношной пиратской интонированностью, выругался. Изошрившись в такой виртуозной брани, что дворник, подметавший мостовую в нескольких шагах от них, аж икнул и едва не выронил метлу, а потом вежливо обратился к Сереже с нижеследующим:

– Молодой человек, вы могли бы... в некоторой степени... выбирать свои выражения? Так сказать, сократить свой лексикон за счет вульгаризмов и сленга?

Теперь уже пришлось икать Воронцову и Мыскину.

...По всей видимости, это был дипломированный дворник, не привыкший к крепким выражениям. Среди представителей этой профессии можно часто встретить кандидатов и даже докторов наук и профессоров.

– Простите, – вежливо сказал Сергей. – Просто настроение плохое. Извините за дурацкий вопрос... а кем вы были до того, как взяли в руки эту самую... метлу?

– До того, как я взял в руки метлу, я был преподавателем университета, молодой человек, – ответил дворник-интеллигент, не прерывая работы.

– Поня-а-атно, – протянул Воронцов. – Если бы тут был Юджин, то он не замедлил бы рассказать анекдот... ну, например:

– Алло, это Соломон Моисеевич?

– Да, молодой человек.

– Доктор математических наук?

– Да, это я.

– Лауреат Государственной премии?

– Совершенно вег`но.

– Действительный член Российской академии наук?

– Абсолютно пг`авильно.

– Так что же ты сидишь в своей котельной, жидовская моррррда, если у меня все трубы протекают и я уже три раза вызывал слесаря?!!

...Дворник вежливо улыбнулся, но в общем и целом было видно, что анекдот не привел его в восторг.

– Нужно позвонить, – сказал Сергей. – У меня телефон за неуплату отключили. Значит, с автомата звонить придется.

– Кому звонить-то? – спросил тот.

Сергей неожиданно широко и весело улыбнулся Мыскину и ответил:

– Гражданину очковой змее.

* * *

– Я слушаю.

– Доброе утро, Сергей Борисович. Конечно, для меня это утро было не самым добрым из тех, которые мне пришлось встречать на своем веку, но тем не менее я надеюсь это поправить.

– Сергей?

– Совершенно верно. Это я.

– Вы подумали над моим предложением?

– Да, – ответил Сережа Воронцов.

– И что же вы надумали?

– Пожалуй, я приму его. Вчерашний мой отказ был вызван только первой заповедью бизнеса... вы сами должны ее прекрасно знать: никогда не соглашаться на первое предложение. Ну, вы знаете, если я знаю, а ведь никогда никакой коммерцией не... ну да ладно. Есть тут одно «но»...

– Что это за «но»?

– Мой гонорар должен составить не тысячу долларов, как вы говорили накануне.

– Ну что ж. Сколько же вы просите?

– Восемь.

В трубкеросло стылое молчание. Потом холодный голос Романова отчеканил.

– Это составит больше половины концертной ставки самого Аскольда. Ведь мы и договорились с фирмой-организатором получить за один концерт тринадцать тысяч.

– А всего их два, я помню. Ну что ж, тогда пусть и отрабатывает сам Аскольд, – с прекрасно сыгранной беспечностью ответил Сергей, краем глаза косясь на насторожившегося Мыскина.

В трубке снова возникла тишина. Потом Романов также спокойно проговорил:

– Мы должны встретиться.

– Где и когда?

– Скажем, в четыре. В ресторане «Верго». Вам известно, где это?

– Да, разумеется, – сказал Сережа, – мне даже известно, что четыре часа – это шестнадцать часов ноль-ноль минут по московскому времени.

– Вы всегда шутите?

– Нет, только когда мне платят за это восемь тысяч долларов.

– У вас такое своеобразное чувство юмора.

– Юмор юмором, но так что там насчет баксов?

– Об этом поговорим в «Верго», – сухо ответил человек, похожий на очковую змею. – До скорого свидания. А вы артист, тетка. Вам даже не надо играть. Я заметил, что артистизм так и прет из вас, как тесто из бады. Одно слово – артист.

* * *

Сережа Воронцов в самом деле был артистом. От рождения коммуникабельный и тонкий человек, хоть и из жуткой семьи, он тем не менее попал на журфак университета и даже проучился там два года, после чего был благополучно отчислен. Как то расхоже формулируют: за пьянство и аморальное поведение, что, в общем-то, не возбранялось даже среди преподавательского корпуса.

Точнее, среди преподавательского корпуса это как раз было развито в первую очередь.

Историю с отчислением лучше всего рассказывал сам Воронцов. Причем несколько раз, и в большинстве случаев позицию благодарного слушателя занимал Алик Мыскин, который был исключен из университета месяцем позднее.

Сережа выпивал стопку и начинал:

– История была короткая и возмутительная. Особенно с точки зрения факультетского начальства. Мы с моим другом Пашей... он сейчас в «Табакерке», театре Табакова, играет... надрались вдвойка каким-то кошмарным дешевым пойлом, а потом подключили к тому же двух девчонок – с нашего же универа. Ну, напились как последние свиньи. А потом зашли в какую-то пустую аудиторию и там начали черт знает чем заниматься. Пара на пару. Он с одной, я с другой, но так близко друг от друга, что это можно и за групповуху посчитать. Ну... пьяные все, вопли, всякие стоны там, бутылки кругом валяются пустые. И тут заходится вахтер и говорит: сейчас милицию вызову, да что же это такое! Совсем стыд потеряли, распротакые дети!

На этом месте Мыскин обычно выпивал стопарик водки.

– Дальше – хуже. Я был пьяный такой, что говорить плохо мог, а вот Паша... он постарше, и сориентировался в пространстве пооперативнее. Так он эту вахтершу пятиэтажными матюгами, и еще бутылку ей вдогонку запустил, чтоб ей бежалось скорее. А побежала она...

– За милицией.

– Ну... там Паша с ней беседовал по принципу из «Иронии судьбы». Она: «Я милицию вызову-у-у!!» – А он: «Приводи-и-и все-о отделе-ение-е!!» Прямо так и пропел, как Мягков в фильме.

– Привела? (На этом месте Мыскин пропускал еще один стопарик).

– Если бы! Не успела она. Как потом оказалось, она наткнулась на декана, который шел по коридору с делегацией французских журналистов, да еще с ректором какой-то там академии

– прямехонько в эту аудиторию. И так получилось, что Паша еще не успел дотянуть последнюю ноту в «Приводи-и все-о отделе-ение-е!!», как вся эта честная интернациональная компания завалила к нам в аудиторию. А тут такое творится-а-а... Ну, в общем, скандал был кошмарный. Меня и Пашу из универа в три шеи, мою девчонку... в смысле, которая со мной общалась... на подоконнике... в общем – ее тоже. А вот вторую девчонку... которая с Пашей была, ее не выгнали. Потому что весь кипеж из-за нее и был. Она оказалась дочкой того самого декана из какой-то там академии, который был с нашим деканом. Ну, и с этими чертовыми французскими журналистишками.

...После отчисления из училища актер-недоучка угодил в армию. А так как, помимо артистического дарования, природа наделила Сергея Воронцова приличными физическими данными – пластикой, силой, реакцией – а тренер по плаванию вырастил из него КМС-а, то есть кандидата в мастера спорта, с прицелом на мастера – то Воронцова прямиком направили в десантуру, где всегда любили атлетичных молодцов с отлично развитыми статями.

– Нечего тебе журналистствовать, – говорил тренер Воронцова, узнав о намерении своего самого перспективного парня поступать в университет, – из тебя, может, второй Александр Попов или Денис Панкратов вырастет, а ты... Не выйдет из этого ничего хорошего. Никто тебя из плавательного бассейна не выпустит.

...А после того, как Воронцов год прослужил в десанте, началась первая чеченская война.

ГЛАВА ШЕСТАЯ. ДЯДЯ ПРИНЦА И ПАПАША НИЩИНА

* * *

– И не говори, Андрюша.

Сказав это, бледная девушка лет двадцати-двадцати двух откинулась на спинку кресла и начала крутить в тонких пальцах бокал. Самое прискорбное состояло в том, что бокал не был пуст, и потому содержащаяся в нем светло-палевая жидкость очень приятного приглушенного оттенка не стала мудрствовать лукаво и в полном соответствии с законами физики пролилась на колени девушки.

– Ну конечно... – отозвался сидящий перед претенциозным белым роялем молодой человек. – Ты просто мисс грация, я всегда это знал.

Сказав это, он крутнулся на вращающемся стульчике и повалился с него на пол, благо был пьян.

– Конечно... – капризно протянул он, меланхолично лежа на полу и обозревая паркет, – Вишневого можно обижать. И стулья из-под меня вывертывать, и вообще.

Что он разумел под туманным определением «вообще», он не уточнил, но это было явно что-то не столь малосущественное, как падение со стула – потому как молодой человек врезал кулаком по паркету, а его лицо тронулось бледными пятнами, проступившими даже сквозь покрывающую лицо молодого человека слой косметики:

– Падлы!

– Да ладно тебе, Андрюша, – сказала девушка, – может, все это еще и неправда.

Это заявление собеседницы, казалось, придало новых капризно-истерических сил Андрею Вишневному. Он забился на паркете, замолотил по нему ногами и руками, словно выброшенная на берег диковинная антропоморфная рыба, и заорал дурным голосом и с интонациями ребенка, у которого только что коварно отняли пистолет с пистонами:

– Нет... правда, правда, правд-а-а-а!!!

Со стоящего в пяти шагах от конвульсирующего Андрюши стола полилась мелодическая трель, в которой угадывалась аранжированная, а проще говоря – перелопаченная компьютером мелодия из «24 Каприччи» ми мажор *andante* Никколо Паганини. Андрюша вздрогнул и, проползая на четвереньках до стола, пошарил рукой по его поверхности и ткнул пальцем в кнопку включенного ноутбука. Ноутбук был подсоединен к охранной системе дома Андрюши, и потому нажатая на его «клаве» кнопка вызвала легкое свечение панели перед столом, все более усиливающееся. Наконец на огромном экране высветилось лицо и плечи человека, державшего в руке кейс.

– Андрюша, это Борис Борисыч, – сказал он, – пора собираться. Самолет через два часа. Андрюша отреагировал странно:

– Сегодня какой день недели?

Борис Борисыч Эйхман, продюсер звезды эстрады Аскольда, почесал ногтем свой длинный нос.

– Суббота, а что? – наконец ответил он вопросом на вопрос. Что полностью соответствовало представлениям о манере общения лиц его национальности.

– Вот суббота, тогда и пошел бы в синагогу, которую мой дядюшка Роман Ансенич спонсирует... а не дергал меня! – завопил Вишневицкий.

Такая экспансивность подопечного ничуть не смутила Бориса Борисовича. Ему пришлось становиться свидетелем и более эксцентричных выходов Андрюши. Борис Борисович кашлянул и выговорил:

– Мне звонили Фирсов и Романов. Они уже там.

Вишневский перестал дергать ногами, как эпилептический больной. Он медленно утянул свое холеное тело с паркета и поднялся на ноги.

– И что? – спросил он.

– Они встретились с нужным человеком.

Тут заволновалась девушка, с которой был Андрей. Он приподнялась с кресла и с придыханием спросила, глядя прямо в крошечную видеокамеру – одну из пяти, закрепленных за гейм-холлом Андрюши Вишневского.

– С Сергеем? Да, Борис Борисыч?

– Да так ты сама сказала, Лена. Что же теперь спрашивать? Нужно признать, что он в самом деле... по крайней мере, Романов заявил, что сходство просто поразительное. Этот Сережа Нищин, или как его там – он действительно подходит.

Но парень оказался с норовом, пришлось его немного подставить.

– Как?

– Да организовать ему небольшой проигрыш в казино. До того он что-то ерепенился, непонятно к чему, а теперь вроде должен пойти на попятную. Иного у него просто не остается. А твой муженек, Лена, – в голосе Бориса Борисовича зазвучали саркастические нотки, – а твой муженек, Фирсов, кажется, ничего и не знает. В смысле – он не знает, что этого человечка на замену Аскольду посоветовала ты. Что он, Сережа Нищин, какой-то там твой друг детства.

Лицо Лены еще более помрачнело. Она что-то глухо пробормотала и отвернулась.

Эйхман сказал:

– Скажи своей охране, чтобы меня пропустили. А то сколько меня знают, никак не могут запомнить... остолопы.

– Ладно, – сказал Андрюша, вскарабкиваясь на стол с ногами и нажимая кнопку на белом щитке – центральном распределителе в системе сигнализации его внушительного жилища.

– Входи, поднимайся, Борисыч.

Не успел Борис Борисович Эйхман подняться на второй этаж Андрюшиного подмосковного коттеджа, как снова позвонили, и на засветившейся экранной панели появилось характерное лицо: угловатые черты, пронизывающие глаза под массивными надбровными дугами, внушительный нос и властные очертания рта и подбородка. Человек напоминал сильно похудевшего Уинстона Черчилля и словно в подтверждение этого сходства курил сигару. При виде его Андрюша Вишневский подпрыгнул на столе и снова повалился на паркет. Лицо укрупнилось, и метровые губы на огромной панели экрана искривились в сардонической усмешке:

– Что же ты, Андрюша, так неловко? Опять переусердствовал с творческими стимуляторами?

– Ничего, дядя, – выговорил Андрей с трудом. – У меня просто скоро самолет. Гастрольный тур надо же... у меня теперь Воронеж – Саратов – Самара.

Роман Арсеньевич Вишневский кивнул головой и сказал:

– Я из Лондона звоню. У меня тут встреча, а потом я возвращаюсь в Москву. Есть к тебе разговор.

– Ну?...

– Нет, это я с тобой напрямую пообщаюсь. Без видеофонов и телемостов. А сейчас просто спросить хотел. У тебя послезавтра два концерта, не так ли?

– Ну да. И вчера один был. Вот... отсыпаюсь. Меня из Самары прямо вертолетом на мой коттедж закинули.

– Это я все знаю. Мне Адамов сказал, что прошла информация – на тебя готовят какое-то там... покушение.

При слове «покушение» губы олигарха снова тронула кривая усмешка – на этот раз она напоминала ухмылку чеширского кота из Страны Чудес Льюиса Кэрролла.

– Да... что-то около того, – пролепетал Андрюша. Надо сказать, при виде всемогущего дядюшки-олигарха в его ноги и руки ящерицей заползалась и вольготно раскидывалась неприятная ватная слабость, и Андрюша Вишневский, мегастар российской эстрады, обладатель недурного личного состояния и княжеского титула, – Андрюша Вишневский чувствовал себя марионеткой, которую вертят могущественные холодные руки робости и страха.

– Мне Адамов сказал, – бросил Роман Арсеньевич. – Начальник моей службы безопасности. С твоим Романовым вроде Фирсов выехал на место концерта?

– Да...

– Фирсов человек компетентный. Разберется. Ну, ладно. Мне через минуту нужно созвониться с Нью-Йорком.

И Роман Арсеньевич, улыбнувшись окоченелой иронической улыбкой, исчез с экрана. Андрюша покрутился на заднице и с помощью вошедшего Бориса Борисовича Эйхмана принял вертикальное положение. Вслед за положением он принял стопку коньяка «Мартель», извлеченную Леной из открывшегося за отъехавшей настенной панели бара. После этого Аскольду полегчало. Он покрутил головой и стал похож на нервную обезьяну.

– Ну дядюшка, заботливый... – пробормотал он, – Адамов ему сказал. Папаше моему позвонить, что ли?

Со своим отцом, Львом Борисовичем Габриловичем, в свое время женатым вторым браком на младшей сестре Романа Вишневского, Андрей не общался. Особенно после смерти матери, трагически погибшей пять лет назад в авткатастрофе. Он даже не носил фамилии отца – Габрилович. Андрюше всегда хватало девичьей фамилии его матери – Вишневская.

Предложение Андрея позвонить отцу вызвало у Бориса Борисыча Эйхмана нервный смех. Батюшка Аскольда был желчным и несносным финансистом, именуемым друзьями «корреспондентами», сильно смахивающим внешне на шефа Центробанка Геращенко, и никогда не выказывал особого желания общаться с эпатажным сыном. О последнем он никогда не говорил иначе, чем «этот чудак».

В случае плохого настроения у Льва Борисовича буква «Ч» в слове «чудак» заменялась на букву «М».

Знающий все это Эйхман хлопнул по плечу Андрюши и сказал назидательно и саркастично:

– Не пыли, князь Андрей. Твой чудесный папаша не стоит того, чтобы беспокоить...

* * *

– ...и-ить, паразит... взял моду – от отца rrrродного морррду воротить!!

С этими словами папаша Сережи Воронцова, носящий гордое имя Гришка Нищин, лихо загарцевал на унитазах. Сережа не знал, кой черт дернул его зайти домой, т. е. туда, где проживали его папаша и мамаша, обремененные тремя дочерьми, две из которых поменяли по нескольку сожителей, но с регулярностью и точностью, коей позавидовал бы иной бумеранг, возвращались в предел родного дома. Сережа подумал, что желание переодеться в чистую одежду, комплект которой он благоразумно хранил у родителей, не стоит той нервотрепки, которую задали ему, лишь стоило ему появиться на пороге.

У Нициных текла вялая депрессивная попойка. Вообще все попойки у Нициных носили в себе диагноз маниакально-депрессивных действий, но маниакальная стадия – к счастью для Сережи Воронцова – уже кончилась. Маниакальная стадия пьянки включала в себя белую горячку, хватившую сожителя средней дочери Нициных, а также три драки, в которых одному из собутыльников проломили голову подарочным будильником, другому свернули челюсть табуретом, а хозяина квартиры, сильно буянившего Гришку, заперли в туалете, где он начал беседовать с унитазом.

Сереза хотел проскочить незамеченным, но, к несчастью, Гришка сумел проломить головой туалетную дверь и наброситься на сына с упреками, которые приведены выше. Сереза отвернулся и подумал, что жить здесь он не будет ни при каких условиях, даже если у него отберут квартиру дедушки Воронцова. Он отвернулся от отца, барахтавшегося на унитазе в тщетных попытках оторвать от него свое седалище, и встал к окну. Жизнь казалась ему горькой и прогорклой, как несвежий запах в квартире Нищиных. Из заплеванного грязного окна открывался вид на недавно открытый шикарный ночной клуб «Белая ночь». Несмотря на ранний час, к нему одна за другой подъезжали машины. Откуда-то стелилась музыка «Танцев минус»: «Город – сказка, город – мечта, попадая в его сети, пропадаешь навсегда...»

Семь с половиной тысяч долларов. Семь с половиной тысяч долларов нужно выбить у Романова, иначе – все. Иначе он не сможет жить – не сможет жить в квартире родителей, а то и просто – не сможет жить.

На излете этих горестных размышлений Сереза услышал за спиной шум и увидел, что к нему приближается, держа в руках выдранный с корнем сливной бачок, папаша. На губах пена, в глазах безумие. Папаша Гришка прокудахтал что-то про одолевающих его мышей, потом взвыл: «Мо-о-оскиты-ы... таррррантулы!! Не виидишь – таррантулы!!» – уж неизвестно, откуда он набрался про этих москитов, – но только в следующую секунду бачок полетел в голову Серези. Воронцов машинально уклонился, и бачок высадил стекло и вылетел на улицу.

Тут он с грохотом опустил на лобовое стекло проезжавшей мимо дома «девятки» и, просадив это стекло, вонзился в пространство салона. Это было уже слишком. Воронцов перехватил кулак отца, метящий ему в лицо, и, четко выкрутив руку, перебросил родителя через себя. Гришка врезался лбом в оконную раму и растянулся на заплеванном бычками и окурками подоконнике, а потом в воем подлетел, словно его черти драли, и вывалился в окно, на клумбу рядом с «девяткой», откуда уже вываливался ее разъяренный владелец...

Сереза не стал ждать дальнейшего развития событий. Он отстранил выглянувшую из-под кухонного стола старшую сестрицу, все это время мирно почивавшую на полу в обществе объедков и обгрызающих их тараканов и двух кошек. Он с треском вlepил кулак в плоское блинное, в оспяных дырочках, лицо сестриного сожителя, налетевшего на него из коридора с криком: «Когда я на почте служил ямщикоммммм!..»

Воронцов с наслаждением вlepил обшарпанную входную дверь в ее раму – так, что посыпалась штукатурка. И опрометью выбежал из подъезда, возле которого его ждал Мыскин.

В тот же самый момент в подъезд вбежал, смахивая с бритого затылка кровь, владелец «девятки»...

– Так вам и надо всем! – громко сказал Сереза.

* * *

В четыре часа Сереза и Алик Мыскин явились в «Верго».

Романова и Фирсова еще не было.

Не успели они присесть за столик, как к ним подлетел официант и предложил меню. Критически осмотрел испачканный пиджак Воронцова и здоровенный кровоподтек под глазом Мыскина, но ничего не сказал: друзья и с такими, так сказать, производственными травмами выглядели более или менее сносно. По крайней мере, Сергей. Впрочем, Сереза, в кармане которого не было денег даже на то, чтобы понюхать одно из значащихся в ресторанном реестре блюд, недовольно отвернулся, а Алик лениво взял меню и стал непринужденно просматривать его на первой попавшейся странице.

– Надеюсь, что они отличаются не только наличием в кармане американских дензнаков, но и пунктуальностью, – замысловато сказал Мыскин после некоторой паузы, в течение которой он пытался подсчитать, сколько миллиграммов мусса из лангустов (или чего-то наподобие)

можно приобрести на пять рублей восемнадцать копеек, счастливым обладателем коих он и являлся.

Сережа страдальчески поморщился. В этот момент в зале «Верго» и появились Очковая Змея Романов и Алексей Фирсов.

Романов был одет в простую темную рубашку с длинным рукавом и несколько вытянувшиеся на коленях джинсы, отчего издали казался похож на восемнадцатилетнего подростка. По всей видимости, он отличался некоторой неряшливостью в одежде.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.